Возлюби вампира своего

Автор:
Ирина Смирнова

Возлюби вампира своего

Ирина Смирнова

Дом разрушен, собратья убиты, враг неизвестен, но хитер и силен? Что ж, самое время завести себе песика. Пусть наполовину волка, чуть-чуть оборотня, немножко злого, особенно на тебя. Зато если правильно выдрессировать и приручить, то получится… ну уж точно не ручной вампир, даже не надейтесь!

Ирина Смирнова

Возлюби вампира своего

Глава 1

Мы стояли на небольшой поляне, плотно заросшей зеленой невысокой травкой, как болото – мхом.

Я специально ее выбрала, еще лет сорок назад, когда поняла, что мстить придется в одиночку. Затем старательно улучшала под свою задумку. Даже лешим заплатила, чтобы они выровняли и расширили дорогу к скале, пересадив часть деревьев.

Мне уже не первая сотня лет, и я знаю, как злопамятны эти лохматые и вроде бы безобидные твари, если им внезапно померещится, что ты вредишь их лесу. Так

что лучше потратить немного денег вместо того, чтобы всю оставшуюся вечность отмахиваться от пытающихся тебя проткнуть осиновых веток.

Лешие же между собой общаются. И если ты в одном лесу пару деревьев без уговора вырвешь, то в соседнем не скроешься. В любом лесочке тебя будет поджидать острый осиновый колышек, хоть из замка больше никогда не вылетай.

Когда ты годами вынашиваешь желание отомстить, глупо экономить на мелочах. Так что лешие были на моей стороне и даже немного помогли заманить щенка с его стаей в расставленную мной ловушку.

И теперь мальчишка стоял передо мной, гордый и не сломленный, зло сверкая голубыми глазищами, доставшимися от собаки-матери. Вот поджарые мышцы, широкие скулы и кривоватый левый верхний клык – это отцовское наследство. Только жизненного опыта старый волк своему последышу передать не успел. Но это мелочи.

Зато от матери, кроме удивительного цвета глаз, обрамленных длинными пушистыми темно-серыми ресницами, щенку достались красивые, практически идеальные губы, которые он сейчас плотно сжимает. Лишь иногда приподнимает верхнюю, скаля зубы и демонстрируя кривой клык.

– Страшно, прямо до мурашек, – провокационно-томно прошептала я, глядя в бездонную голубизну.

Сколько злости! Какая неприкрытая ненависть!.. Наверное, жутко бесит, когда ты весь такой сильный, такой быстрый, такой уверенный в себе оборотень – и так глупо заполучил серебряную пулю. В плечо. Сдохнуть не выйдет, оборачиваться нельзя, а больно, наверное, адски…

И страшно! Никто не хочет умирать, когда тебе чуть-чуть за двадцать. Даже обычные людишки борются до последнего, отстаивая свое право прожить еще лет шестьдесят. Жалкие мотыльки-однодневки.

А у оборотней впереди пара сотен лет – и тут такой бесславный конец. Причем ладно бы только сам попался, как… мальчишка. Но ведь и всю стаю за собой в ловушку привел!

Глупые псины… Пока разобрали, что гонятся не за настоящим оленем, а за идеально созданным мною и лешими мороком, все уже были пойманы.

Вампирская быстрота – не сказка, а реальность! Мне требовалось лишь загнать всю стаю в одно нужное мне место, где к каждому дереву был привязан кожаный поводок с серебряным ошейником. А потом ловкость, скорость… и, напоследок, меткий выстрел в вожака. Все!

Теперь вдоль дороги к скале с двух сторон рычат от боли молодые волчары, смешно пытаясь содрать лапами ошейники. Но тут я спокойна.

Поводки порвать им не удастся, кожу дракона даже я руками не разорву. Деревья сломать не получится – зря я, что ли, лешим столько денег отсыпала?

– Значит, так, щенок. Жить тебе осталось недолго, правда, спятишь ты раньше. Но я готова облегчить твои страдания. – Тут я достала пистолет. Тот самый, с серебряными пулями. – В этот раз попаду прямо в сердце, не волнуйся. Но убью только за развлечение. Готов?

Щенок в ответ оскалился так, что даже нос смешно сморщился, как у настоящей псины. И зарычал, в человеческом облике, но от души. Красивый такой баритончик, мягкий. Прямо за душу пробирает!

– Я дам тебе два ножа, и ты побежишь по дороге к скале. Быстро! Потому что бежать тебе, только пока я поднимаю руку, прицеливаюсь и считаю до трех, понял? Зато на бегу ты успеешь перерезать поводки своим песикам. Конечно, не всем… Но, клянусь, тех, кто сбежит в деревню, не трону. Ошейник им любой кузнец снимет.

Щенок потряс головой, посмотрел на меня мутнеющим взглядом, повернулся, оценил расстояние до скалы и… кивнул. Дурачина! Даже задумываться ни о чем не стал, не то что торговаться. Просто почуял возможность перед смертью спасти хоть кого-то из стаи и вцепился в эту идею зубами.

Что ж, веселье начинается!

– Беги!

Я даже не сомневалась, что мальчишка помчится на всей доступной ему сейчас скорости, не думая о том, что затормозить уже не успеет. Хотя он видел скалу, понял, что врежется в нее и превратится в… шкурку настенную. Но ему уже все равно.

Хорошо бежит! И главное, освобожденные им волки не разбегаются, а собираются вместе. Смотрят на меня шалыми от боли злыми глазами уже спевших свою последнюю песню и готовых умереть ради своего вожака.

Я медленно подняла пистолет, еще медленнее прицелилась. У меня все рассчитано по секундам. Много раз прогуливалась по этой дороге, еле передвигая ноги, чтобы получилась скорость оборотня.

– Раз… два…

Мальчишка ожидаемо ускорился. Уж не знаю, откуда у него на это силы, но я надеялась на это, и он меня не разочаровал.

Мысленно досчитываю мгновения, оставшиеся щенку до встречи со скалой. Заодно внимательно слежу за стаей. Они уже готовы прыгнуть… Ага! Улитки наивные!

Волки, столкнувшись друг с другом, устроили свалку на том самом месте, где мгновение назад стояла такая доступная добыча. А я, сжав зубы – потому что, гори все ярким пламенем, когда тебя даже на оборотневых скоростях впечатывают в камень, все равно ощутимо неприятно, – в последний миг успела поймать их разогнавшегося вожака.

Он повис на мне и на ножах, умудрившись воткнуть их в скалу возле моих плеч. Еще живой, с светящимися от адреналина глазами, но расслабленный и вялый, потому что израсходовал и физические, и внутренние ресурсы. Доступный и мало чего понимающий… Просто счастливый оттого, что спас всех. Успел… Справился.

Смешной молодой наивный щенок, попытавшийся заключить сделку с вампиром.

Пока он не умер прямо у меня на руках, успев очухаться напоследок и все испортить, я со всей силы укусила его в вену на шее. Сделала несколько глотков и тут же, прокусив себе палец, заклеймила волчонка своей кровью, проведя ему по губам, а затем по ране. Серебро внутри него зашипело, отзываясь на мой зов, и маленьким серебряным комочком выпало прямо мне в руку. А щенок чуть не рухнул мне под ноги.

Ну еще бы… Конечно, операция заняла мгновения, но все равно, когда по твоим венам мчится серебряная смерть, а потом твердеет на границе вены и кожи, это адски больно!

– Все, песик, теперь ты моя ручная болонка…

– Сука! – Песик не желал становиться ручным, и я прекрасно его понимала. Свобода для оборотней ценнее жизни.

– Суки ваши самки. А я – стерва. Редкая. И тебе теперь придется со мной жить, мальчишка.

И твоей стае. Но это я не стала говорить вслух. Он сам все понял по ухмылке, с которой я посмотрела на крутящихся вокруг нас волков. Они тоже почуяли, что таинство связи свершилось, потому что никакого сопротивления не было. Их вожак смиренно принял свою участь, так как даже не понял, что платит свободой за жизнь.

И теперь эти преданные псины больше не пытались на меня напасть. Ведь тогда сдохнет и связанный со мною оборотень.

– Зачем тебе нужны мои волки? – щенок сразу задал правильный вопрос.

Он не стал нести эгоцентричную чушь типа: «За что ты так меня ненавидишь?», «Зачем тебе я?!» Нет, он сразу понял, что на его месте мог быть любой наивный молодой идиот. Просто ему слегка не повезло. Под мои условия лучше всего подходил именно он – гордый, отчаянный, неопытный мальчишка, сумевший за три года собрать вокруг себя стаю таких же молодых отчаянных изгоев.

Стая без поддержки старших. Стая, где все преданы друг другу. Стая, которую я смогу со временем сделать своей.

– Мне пора заводить гнездо. – Я в упор посмотрела на щенка, проверяя, насколько хорошо он знаком с законами жизни вампиров.

Гнездо – это лишь прикрытие, но очень важное. Мне действительно пора рискнуть и попробовать создать семью. А пока птенцы молоды, вспыльчивы и не контролируют свой голод, нужны оборотни. Те, кто будет охранять нас от всех и всех – от нас.

– Ты хочешь превратить мою стаю в наседок?!

Я улыбнулась, прежде чем вцепилась в его жесткие, слишком длинные для оборотня волосы и легонечко дернула вверх. Очень легонечко. Не хватало еще после стольких трудов оторвать наглому мальчишке голову!.. Потом, так же легонечко, швырнула его на землю, на колени.

– Учись уважению, псина! Тебе и твоей стае выпала великая честь. Вы будете оберегать моих птенцов.

Ярость в голубых глазищах сверкала и искрила, но, к счастью, не могла испепелять. Иначе я бы уже давно сгорела заживо. Я снова улыбнулась, предвкушая, как приручу этого гордого щенка. Конечно, можно использовать метку, можно заставить его сердце на время перестать биться, можно перекрыть ему воздух, можно ослепить, парализовать… Можно делать с ним все, что пожелаю, потому что он привязан ко мне его собственной смертью и моей кровью.

Иногда вампиры и оборотни заключают добровольные равноправные союзы, но чаще оборотней обманывают, дурманя и связывая кровью. Вот только хищный зверь, попав в капкан, отгрызает себе лапу! А попавший в капкан оборотень будет пытаться заодно загрызть своего хозяина.

Конечно, дополнительная связь смертью – не панацея. У любого терпения есть предел, и при желании его всегда можно найти. Но я не собиралась издеваться над щенком, провоцируя убить меня, даже если после этого погибнет он сам. Возможно, мне и придется отправить его на верную смерть, но только ради моей

жизни.

– Вы будете жить и охотиться рядом с моим замком, – сообщила я мальчишке. – А теперь пусть твои псы сядут смирно вдоль дороги. Я сниму с них ошейники.

Как же ему хотелось послать меня подальше! Он даже сжал пальцы в кулак и начал разгибать средний… Но ответственность вожака взяла верх над гордыней. Повернувшись к стае, он молча махнул рукой.

Оборотни даже в звериной ипостаси понимают всеобщую речь. Так что волки прекрасно сообразили, чего от них хотят. Скаля на меня зубы, издавая грозное рычание и одаривая меня свирепыми взглядами, они выстраивались в цепочку, по-моему наивно надеясь меня укусить.

Дождавшись, когда последний из двадцать шести волков займет свое место, я потрепала мальчишку по голове, сделав вид, что не заметила, как он попытался отдернуться.

– Хороший щеночек, и песики у тебя послушные.

А потом быстрее ветра пронеслась вдоль дороги, отщелкивая ошейники и оценивая реакцию «песиков». Тех, кто успевал почувствовать мое прикосновение, я запоминала. Их надо беречь и учить. Того, кто успел дернуться и начать поворачиваться, я куснула за ухом, запоминая не только внешне, но и на вкус.

Самок в стае было мало, плохо… Со временем, когда волчата остепенятся, это может превратиться в проблему.

– Теперь, когда вы все снова можете обращаться, пошли за мной, лохматые улитки! – Я рассмеялась собственной шутке, обернулась летучей мышью и понеслась вперед, к своему замку, иногда останавливаясь, чтобы подождать постоянно отстающую стаю.

– Фу, псины. – Очередной раз приземлившись, сменив облик и дождавшись, когда щенок добежит до меня, стараясь при этом не сильно прихрамывать на левую переднюю лапу, я брезгливо поморщилась. – Сейчас просто задохнусь от

вашей вони! – произнесла я, с презрением оглядев запыхавшихся вспотевших волков. Но потом милостиво процедила: – Ладно, отдохните, речка буквально в двух шагах.

На самом деле до речки им еще плестись минут тридцать-сорок, но надо же как-то взбодрить этих унылых шавок? Со временем я научу их бегать быстрее, но выше головы не прыгнешь. Оборотням никогда не научиться развивать вампирскую скорость, и обычно это наше преимущество. Однако в мой план входило превратить каждого волка в этой стае в достойного противника. Слабаков, конечно, придется убрать. Но с этим-то я точно справлюсь…

Голубоглазый вожак, повернувшись, что-то прорычал, потом принюхался и ринулся четко по направлению к реке. Я мышкой летела сверху над стаей, пытаясь на глазок прикинуть, за сколько времени эти лохматые улитки дохромают до воды.

Таскать везде с собой новомодное изобретение – наручные часы – мне было непривычно и неудобно. К тому же разницу между интервалом в пятнадцать и сорок минут можно определить и без них.

Волки оказались у реки примерно минут через двадцать. Уставшие, сначала охотившиеся за оленем, потом большую часть дня – за мной. И я их не щадила, вынуждая гнаться без отдыха, без передышки, оборачиваясь на бегу, чтобы восстановить разодранные в кровь лапы.

Вожак дождался, пока в воду спрыгнет последний, двадцать шестой волк, и только после этого кинулся в реку сам. Я еще раз порадовалась своему выбору. Хороший щенок, ответственный. Но главное не в этом. Ни один из его стаи не потерялся, не сбежал, не предал. Все двадцать шесть оборотней остались, хотя их ничто не держало. Только преданность. Так что щенок хорош вдвойне.

– Мы не побежим ночью. – Голубоглазый красавец вышел на берег в человеческой ипостаси. Голый и мокрый. Капли стекали по его телу, рисуя на нем узоры и привлекая мое внимание к широким плечам, впалому мускулистому животу, узким бедрам и длинным стройным ногам. Мой взгляд плавно опускался сверху вниз, поэтому, чтобы оценить красоту рук, пришлось снова вернуться к плечам…

А еще у щенка была длинная шея, на которой так заманчиво пульсировала венка, наполненная вкусной кровью. Жаль, что сейчас пить из него нельзя: это его ослабит.

– Побежите, – уверенно ответила я. – Прикажу – и побежите!

– А ты прикажи нам не бежать. – Мальчишка присел рядом, обхватил руками колени, подтягивая их к животу, и пристально уставился на меня, сияя голубыми глазищами на смуглом лице. Затем моргнул ресницами так, что я ощутила легкий ветерок. И улыбнулся, а потом облизнул губы, глядя провокационно-загадочно.

Похоже, щенок ищет пути манипулирования и первым выбрал самый простой – соблазнение.

– Малыш, – томно протянула я, сначала погладив начинающего обольстителя по щеке, а потом крепко ухватив его пальцами за подбородок, заставляя смотреть мне в глаза, не отрываясь. – Я не сплю с животными, ясно?!

Мальчишка выдержал удар, даже не моргнув, только улыбка стала язвительной, а взгляд жестким. А в глазах засверкали злые искорки, уже ставшие за сутки привычными.

– Мы устали. Если до твоего замка бежать еще сутки или дольше, нам нужен отдых. Мы живые, а не труп, как некоторые. И нам надо спать и есть.

– Есть надо и мне. – Не то чтобы я обиделась на труп. Наоборот, оценила, что обратка не заставила себя долго ждать. Что ж, он прав, оборотням надо спать, как-то я не учла этот момент. Значит, я могу спокойно поесть, не отказывая себе в маленькой шалости…

Глава 2

Дернув мальчишку за волосы, я, как он ни сопротивлялся, поставила его перед собой на колени. Да, можно было просто приказать, и он бы выполнил,

поборовшись сам с собой. Но такое насилие ведет к осознанию безысходности, а физическое сопротивление – к выплескиванию адреналина.

В голубых глазах плескалось море ярости, но одновременно зверь смирялся. Я действовала так, как принято среди животных. Ожидаемо. Победила, но по праву сильного. А вот теперь можно и развлечься немного…

– Хорошо, что ты уже пришел ко мне раздетым, – произнесла я с томным придыханием прямо щенку в ухо, заставляя его инстинктивно зажмуриться.

Тело оборотня напряглось. Животная часть чуяла опасность, а человеческая – возбуждение. Молодой, взбешенный, после хорошей взбучки, в двусмысленной позе перед красивой женщиной. Сильно стараться не пришлось. Мальчишка легко возбудился и даже не заметил моего магического вмешательства. Зато после этого я с удовольствием ткнула его… в этот выдающийся и очень заметный факт.

Положив прохладную ладонь на основание члена, я нежно погладила шелковистые волосы, провела подушечкой большого пальца по мошонке, сжала ее в кулак, продолжая при этом поглаживать.

Щенок глубоко задышал, напряженный и возбужденный одновременно. А я, выпустив клыки, наклонилась и лизнула его в шею, как раз в пульсирующую венку. У меня даже нёбо пересохло, словно я несколько дней не ела, так мне хотелось вцепиться зубами в этого аппетитного зверя и выпить его целиком. Но я продолжала наглаживать ему член, добиваясь полного расслабления и тела, и разума. Возбуждение – идеальное средство для приготовления ароматной теплой крови прямо внутри источника. А терпение для длительной возни с блюдом приходит с годами и опытом.

– Горячий ужин прямо в постель – это так мило, – прошептала я щенку на ухо. – Самая вкусная кровь во время оргазма…

Естественно, мальчишка дернулся, пытаясь вырваться. Гордый зверек, которого задело, что я использую его возбужденное тело не так, как ему бы хотелось. Вот только моя прохладная рука, сжимающая его набухший до внушительных размеров член, никуда не исчезла. Она продолжала удерживать самое ценное достояние, по мнению многих мужчин любых рас.

Так что щенок почти сразу притих, но зарычал, оскалился, всем своим видом выражая недовольство. Вот только возбуждение не хотело исчезать, причем я ничего для этого не делала. Лишь легонечко поглаживала, расслабляя источник моего ужина.

Когда мальчишка, забыв про гордость, зажмурился, продолжая стоять на коленях, откинулся слегка назад, упершись руками в землю, и принялся едва заметно двигать бедрами в такт моим ласкам, я удовлетворенно улыбнулась. Щенок сдавался на милость победителя. Мне нужен был оргазм, нужно было, чтобы кровь в источнике кипела, бурлила, обжигала, как… шампанское!

Только почувствовав, что блюдо почти готово, я наконец-то проткнула клыками вену и впилась в нее, делая глоток за глотком. Ощущая, как бьется в моих руках тело мальчишки.

– Вкусный… – напившись, выдохнула я устало. – Испачкался, правда, как свинья, – несмотря на сытое удовлетворение, я не смогла удержаться от ехидства, размазывая при этом белую густую жидкость по животу щенка. А потом провела этими же пальцами у него по губам.

– Су-у-ука, – со злостью процедил он, брезгливо вытирая рот рукой. Потом, не меняя ипостаси, добежал до края берега и прыгнул сразу чуть ли не в середину реки.

– Стерва, – рассмеялась я ему вслед.

Что ж, я поела, остальное не моя забота. Конечно, спящий ночью вампир – редкое извращение. Но не сидеть же мне до утра, дожидаясь, пока эти улитки отдышатся для продолжения нашего путешествия?

Правда, какое-то время волки шумно возились, часть стаи бегала охотиться, часть охраняла выбранную для ночного лежбища территорию, но и заодно уж меня. А еще вожака, упавшего после купания без сил. Подумаешь, слегка не рассчитала, увлеклась… Конечно, прежде чем уснуть, я прислушалась, выделяя из двадцати семи бьющихся неподалеку сердец одно – то, которое принадлежало моему щенку.

Утром я проснулась оттого, что рядом кто-то слишком громко дышал и слишком вкусно пах. Мальчишка неосознанно подполз ко мне, причем, едва я заворочалась, он подскочил и уставился на меня обвиняюще-обиженным взглядом.

– По-твоему, это я тебя выкрала в ночи у стаи и притащила к себе поближе?

Насмешка в моем голосе щелкнула по самолюбию, так что щенок возмущенно зарычал.

– Ты еще сам себя покусай. Особенно за вчерашнее, – продолжала веселиться я, с удовольствием наблюдая, как волчонок злится. – Все, надевайте штаны, выворачивайтесь наизнанку, шкурками наверх, и побежали. Я хочу сегодня спать в своей кровати!

– Можно подумать, это мы тебя из нее выгнали, – огрызнулся мальчишка, но пошел искать штаны, посверкав передо мной своей поджарой голой задницей. У меня прямо ладонь зачесалась, так что я быстро приподнялась, с размаху шлепнула и снова уселась на свое место. А когда щенок, резко повернувшись, прожег меня раздраженным взглядом, лишь снисходительно улыбнулась.

Стаю я гнала вперед весь день, до полного изнеможения. Пока один из оборотней не упал на землю от усталости. Тогда все волки демонстративно встали, давая понять, что дальше не пойдут. Но я не могла позволить манипулировать мной вот так. Если бы они попросили нормально, давно бы уже сделали остановку. Только гордость не позволила ни одному из молодых оболтусов вспомнить всеобщую речь и унизиться настолько, чтобы признать свою слабость. Значит, теперь будут наказаны за свою гордыню…

В этот раз я не стала себя сдерживать. Даже не приближаясь, я вытянула вперед руку и сжала ее, заставляя щенка сначала зарычать, потом задергаться, пытаясь вырваться из невидимого захвата, а затем захрипеть, задыхаясь. И только почувствовав, что сердце стучит через раз, я позволила ему снова задышать нормально.

– Или бросайте слабака, или прите на себе по очереди, мне плевать! Но ни один щенок не будет решать за меня, где и когда делать привал, ясно?! – медленно процедила я, глядя в темно-голубые от ярости глаза мальчишки. Если сейчас не

поймет, как надо вести себя правильно, придется объяснить. Но уже после того, как вся стая, включая его, обессиленная упадет на землю.

Где-то минут двадцать эти гордые и независимые перли на себе своего друга по очереди, как талисман, пока слабак не пришел в себя и не попытался ползти за стаей сам. И тут их вожака наконец-то озарило.

– А если я попрошу?

– Вчера этот метод сработал. – Я остановилась и с мрачным вызовом посмотрела на гордого злого идиота. Тот тоже стоял и с таким же вызовом глядел на меня. А потом глубоко вдохнул и соизволил унизиться:

– Смотри, какая отличная степь вокруг. Выбери место привала… пожалуйста. Нам очень надо отдохнуть.

– Еще совсем чуть-чуть, и степь закончится, – усмехнувшись, я с презрением покосилась на запыхавшихся, еле живых оборотней. – Пусть трое сильных побегут со мной до места, где у нас будет стоянка. А остальные… ползите следом, – процедила я, брезгливо поморщившись.

Конечно, одним из трех отправившихся со мной был мой щенок. Правда, добежав, он чуть сам не потерял сознание, упертый мальчишка. Но, отдышавшись, помчался обратно, за своей стаей.

Естественно, я тихо слетала за ним – убедиться, что волчонок не сдох по дороге. Но нет, похоже, второе дыхание открылось. Так что часа через два все улитки добрели до выбранной мной для отдыха опушки леса. Тут и ручеек неподалеку, и поохотиться можно. А то в степи они привал решили устроить, на открытой местности, без воды, еды и на солнцепеке. Балбесы лохматые!

Скептически полюбовавшись на обессиленную стаю, я обреченно махнула рукой:

– Ладно, жрите и спите, псины!

В одиночку я этот путь преодолевала часа за три, а теперь мы уже вторые сутки ползем обратно. А еще говорят, что волки могут бежать без отдыха неделю. Эти

точно не могут, еще и плетутся еле-еле. Нет, ну километров двести мы уже преодолели, осталось совсем немного.

Несмотря на раздражение, я понимала, что выбрала лучшую стаю по всей стране. С идеальным вожаком. Вон, дотащили одного из своих, и теперь какая-то девчонка прыгает вокруг него, бинтуя ему ноги. В этом их сила. И в этом их слабость. В дурацком принципе «все за одного».

Хлюпика я для себя отметила, чтобы точно знать, на ком обучать искусству выбора. У меня были грандиозные планы на этих псин, так что балласта среди них быть не должно.

На охоту сегодня побежали самые сильные, их я тоже отметила. Среди них была самка, что меня порадовало. Причем не та, что нянчилась с бесполезным заморышем, а другая, крупная, с красно-рыжими подпалинами на шкуре. Глаза у нее были тоже желтые с краснотой. Чистокровная альфа. В серости всех оттенков от светлого до почти черного девчонка очень заметно выделялась.

Такую суку надо держать поближе, чтобы свернуть ей шею до того, как она попытается устроить проблемы.

Дождавшись, когда щенок, взмыленный, но довольный, вернется с охоты, я подозвала его к себе. Сейчас он был в одежде – разорванной в местах выстрела рубашке и штанах. Я смутно помню свою жизнь до обращения, но вопрос о смене облика оборотнями мучил меня достаточно долго и запомнился очень хорошо.

– Куда деваются ваши шмотки во время оборота? – Одновременно я запустила руку мальчишке в штаны, поэтому он слегка замешкался с ответом.

Глаза искрят, ноздри гневно раздуваются, зубы скрипят… Пальцы в кулаки сжал! А сделать все равно ничего не может. Природа побеждает почти без моего вмешательства, как и вчера.

– Дрочить животному ты готова, а нормально переспать нет? – неожиданно процедил волчонок. Вот уж не думала, что он всерьез рискнет предложить мне подобное. Или наивно думает, что кто женщину на член насадил, тот ею и крутит так, как ему нужно? Так это точно не про меня.

– А привычную одежду тело принимает как кожу. Новую какое-то время надо снимать, чтобы не порвалась во время смены ипостаси.

– Ясно, – протянула я, запоминая для себя интересные сведения, которые могут потом пригодиться. – И не надо путать разогрев крови для улучшения вкуса с сексом. Это вы все сырым жрете, а я горячее люблю! Чтобы пылало!

Пылало уже достаточно сильно. И в штанах, и в глазах…

– Давай, малыш, еще зубки покажи, это так мило, – томно прошептала я, лизнув щенка за ухом. А потом вцепилась ему в волосы и наклонила голову… Венка пульсировала, манила, соблазнительно пахла. И этот оглушающий стук сердца, частый-частый, а еще дыхание – глубокое, тяжелое, будящее во мне первородные инстинкты.

Когда же волчонок зарычал, я провела языком по его шее, по вибрирующему кадыку и выше, до самого подбородка. Мальчишка застонал, член в моей руке еще увеличился, как всегда бывает перед самым оргазмом, и я впилась зубами в вену, прокусив четко по старым следам от клыков…

В этот раз я была не очень голодна, так как днем, еще в дороге, успела отлететь подальше и подкрепиться бредущим по степи человеком. Правда, волки все равно его нашли, но уже после того, как я напировалась вдосталь, осушив полностью.

Однако щенок долго обвиняюще смотрел на меня, пока остальные псины быстро выкапывали в степи яму, а потом зарывали тело. Я дала им на это целых пять минут, но они уложились в три. И еще две выли прощальную песню.

Оборотни, как и вампиры, произошли от людей, со временем выделившись в отдельную независимую расу. Но, в отличие от них, мы так и не научились размножаться сами. Каждый птенец вампира до перерождения был человеком. Мы полностью зависим от никчемных слабых существ. Они наша основная еда, и только благодаря им мы можем продлевать наш род.

Но при этом оборотни до сих пор ощущают свою связь с людьми, иногда вступая с ними в союзы, от которых могут рождаться дети, полукровки. Тогда как мы человеческую расу презираем и используем.

Поэтому днем, найдя в степи обескровленный труп, щенок немного расстроился. Зато сейчас ему мой дневной перекус только на пользу. Я сыта и вместо бурного пира, как вчера, просто посмаковала его для удовольствия, как дорогое вино после плотного ужина.

Во время оргазма мальчишка ненадолго уткнулся мне в плечо, вздрагивая всем телом. Потом, резко выпрямившись, сверкнул испепеляюще-злыми искрами в глазах и, разнообразия ради, выругался иначе:

– Тварь!..

Пришлось поучить уважению, с размаху залепив пощечину, так что на щеке появился отпечаток моей ладони. Мальчишка лишь задышал громче и чаще, но извиниться даже не подумал. Я залепила вторую пощечину, а потом взлетела и пнула его ногой в живот, роняя на землю. Но звереныш даже попытался извернуться и укусить, за что получил по лицу третий раз. А ведь могла и между ног с размаху!

– Жаль, а казался умным, – процедила я, с усмешкой глядя в практически синие от злости глаза. – Если по-хорошему не понимаешь, будем развлекаться по-плохому.

Идею поднять всю стаю и заставить бежать всю ночь я отбросила сразу. И не из-за желания доказать, что щенок ошибся. Нет, он был прав, я еще та тварь. Жестокая, циничная, но умная. И именно поэтому я не буду наказывать остальных волков за то, что их вожак не умеет держать язык за зубами. Кто ляпнул, тот и ответит за свои слова.

И так легко, всего лишь небольшой взбучкой, точно не отделается. Я не злопамятная, но мстительная. И месть люблю готовить медленно, с наслаждением. Так что развлекаться по-плохому мы будем не сегодня.

Мальчишка, убедившись, что бить его больше не станут, отполз к ручью, разделся и принялся стирать штаны. Чистюля…

Остальные волки делали вид, что ничего не замечают. Ни того, как я питаюсь от их вожака, ни того, как я его от души отлупила. И правильно делают.

Если бы щенок обозвал меня «тварью» не так громко, я бы избила его втайне от остальных. Чтобы не позорить. Все же сложно уважать и подчиняться тому, кого на твоих глазах пинает ногами хрупкая большеглазая блондинка на вид лет двадцати, не старше. Только первое впечатление очень обманчиво. Во время обращения мне действительно было девятнадцать, а сейчас уже пара сотен. Но внешне я осталась прежней.

Убедившись, что у щенка все в порядке, я вновь улеглась спать ночью. На какие только извращения не пойдешь ради собственной стаи!

Глава 3

С рассветом я погнала волков дальше, не заставляя их мчаться на износ. Да, пришлось бежать чуть дольше, даже после заката. Но в этот раз мальчишка не стал просить о привале, а несся, размахивая хвостом, впереди стаи. В ворота моего замка он вбежал с гордо поднятой головой, как и положено сильному независимому вожаку. И… застыл.

Уж не знаю, что он и его волки себе представляли, когда я говорила «мой замок», только, когда они его увидели, морды у них очень сильно вытянулись.

Я подпитывала здание магией, не давая ему окончательно разрушиться, но не мешала лесу захватывать территорию. Лесные деревья уже давно проникли за ограду, перемешались с садовыми, превратили когда-то аккуратные клумбы в поляны. Белые каменные дорожки спрятались под зелеными зарослями травы.

Внутри замка творился такой же разгром, как и снаружи. Я поддерживала в порядке лишь свою комнату, да и то начала заниматься этим не так давно. Первые лет тридцать после того, как мое гнездо было уничтожено, я прожила как в тумане, охотясь на животных и крыс, потому что люди не забирались так далеко.

И только потом, найдя уцелевшие книги и дневники создателя, я стала по ним обучаться быть вампиром, а не изгоем.

В каждом из нас со временем пробуждается не только обычная вампирская магия – скорость, сила, умение ненадолго взлетать, даже не обращаясь в летучую мышь; притягивать к себе предметы через расстояние; убивать смертных, не прикасаясь к ним; привязывать их к себе, очаровывать и манипулировать их сознанием. Но и какой-то особенный, личный дар, возникающий от соединения возможностей создателя и того, что было в самом тебе изначально.

Именно поэтому первые поколения вампиров тщательно выбирали себе птенцов. Это теперь их штампуют ради количества, как расходный материал, чтобы использовать в своих непрекращающихся войнах за территорию, за власть, за ценные ресурсы.

Наш создатель выискивал нас, как старатель золото. И растил, уча управлять своими новыми возможностями, контролировать свои инстинкты и готовиться к пробуждению дара. Особенного дара.

До перерождения наш создатель был магом всех стихий. А мы, его птенцы, изначально наследовали только одну, но потом, со временем, смогли бы пробудить в себе возможность управлять и остальными силами. Только времени нам никто не дал!

Еще из дневника я узнала, что мы не первый выводок, были птенцы и до нас, правда очень давно.

Я запомнила имена и несколько десятков лет разыскивала собратьев по всему миру, надеясь объединиться для мести или просто предупредить об опасности.

Только у всех еще живущих были свои цели и планы. Кто-то создал собственное гнездо, кто-то служил главе чужого. Все собратья поблагодарили за предупреждение, звали к себе, готовы были одолжить денег на время. Я была признательна и за это. Но очень сожалела, что никто из них не решился вступиться за своего создателя.

А еще ни один из них так и не научился управлять всеми стихиями.

Познакомившись со старшими братьями и сестрами, я поняла, что мстить за разрушенное гнездо придется самой. И для начала я привела в замок стаю…

Если бы тогда у нас были волки, чужаки не смогли бы прокрасться незамеченными.

Мы были слишком юны и не умели контролировать чуткость своего сна. Часть из нас погибла, даже не проснувшись. Тогда мы спали днем, хотя один из даров создателя – возможность гулять при свете солнца и не воспламеняться. Она есть далеко не у всех, так что я быстро вычислила потенциальных виновных. Меньше десятка кланов, не так уж много, но и не мало. Поэтому, чтобы найти настоящего убийцу, требовался хитрый план и союзники, которые потом не пойдут против меня. Те, кто будет обязан мне жизнью. Например, птенцы…

Только прежде, чем вить гнездо, надо было выдрессировать свою стаю и, главное, вожака этой стаи.

– Все пристройки, какие найдете, можете смело занимать. Река поблизости есть. Лес – тоже. – Рассмеявшись, я взмахом руки обвела окружающие нас деревья. – Пищи в нем полно! Обживайтесь. А ты – за мной! – Лишь полсекунды поизучав щенка, я развернулась и пошла в замок. Даже не оборачиваясь, уверенная, что мальчишка идет следом.

– А теперь вниз, – приказала я, все так же не оглядываясь, после того как мы вошли через высокие двери с огромными дырами строго над местом, где раньше висел засов.

Пол был усыпан обвалившейся с углов лепниной и разноцветными осколками окон, когда-то составляющими яркую мозаику. Еще не так давно, всего двести восемь лет назад, в этом замке было чисто и светло. Звенели молодые счастливые голоса, и постоянно слышался заразительный смех близнецов, Августы и Клауса. А еще нам всем было тепло и уютно под крылом нашего создателя. Новая жизнь казалась непрекращающимся источником радости.

– Можно подумать, у меня есть выбор! – процедил щенок, даже не пытаясь скрыть свою злость.

– Сейчас есть. – Я повернулась и уставилась в сияющие в ночной полутьме глаза оборотня. Смуглая кожа, темные волосы, темные штаны и только эти глаза как два ярких лучика. – Ты можешь отказаться. Можешь попытаться напасть на меня. Это будет не самый умный выбор, но ты можешь так поступить. А я могу

сделать так. – Вытянув вперед руку, я обмотала мальчишку своей силой и потянула к себе, медленно, давая ему ощутить, что сопротивление возможно. – И тогда ты можешь ухватиться за первый встречный столб или дерево, но не советую этого делать. Тело ты сумеешь удержать, а вот голову – вряд ли.

Щенок зарычал, частично обернувшись и скребя когтями по стенам в надежде остановить свое приближение ко мне. И за один из столбов, украшающих огромный проходной зал, он тоже попытался зацепиться, несмотря на мое предупреждение. Правда, едва ощутил, что голову по-прежнему тянет вперед, тут же разжал руки и, сменив ипостась, попытался затормозить, упершись в пол всеми четырьмя лапами. Я продолжала его притягивать, а он сопротивляться, оставляя на паркете толстые глубокие борозды от когтей.

– А вот сейчас, – сменив обычную вампирскую магию на зов, я просто заставила тело мальчишки идти ко мне, игнорируя желания его разума, – у тебя действительно нет выбора.

Щенок замер в шаге от меня, пыхтя как паровоз. Причем я уже перестала использовать и магию, и силу нашей связки.

Развернувшись, я пошла вниз по лестнице, в подземелье. Первые лет сто после случившегося мне было страшно туда заходить. Боялась, что сойду с ума. Но потом стало легче, боль не исчезла совсем, просто ушла куда-то глубоко, затаилась на время.

Запах крови мальчишка учуял сразу. В замке он почти выветрился из-за сквозняков, а внизу никуда не исчез, потому что именно здесь этой крови пролилось больше всего.

– Я не хочу идти дальше! – В голосе волчонка отчетливо слышалась настороженность. Он не боялся, но здраво опасался этого места.

– Тут убили мою семью. Мою вторую семью. Всех моих братьев и сестер. Я до сих пор иногда слышу их крики, – заговорила я, повернувшись к мальчишке и не отводя взгляда от его лица. – Но я не буду заставлять тебя сражаться в моей войне. Ты будешь защищать мой мир. Ты и твоя стая. Я не буду требовать от тебя многого. – Это место словно впитало в себя мою собственную озлобленность, позволяя спокойно объяснить щенку, что именно его ожидает на

новом месте. – Живите так, как привыкли. Только есть несколько правил, которые вы обязаны соблюдать. Люди не должны знать про меня…

– Можно подумать, они не догадываются! Ты же каждый вечер пьешь у них кровь… – Мальчишка брезгливо сморщился, всем своим видом выражая презрение к моим пищевым привычкам.

– Я не охочусь на своей территории. Это основной закон выживания. Вокруг гнезда должно быть тихо.

Мне не хотелось вступать в дискуссию о том, что, с точки зрения тех же оленей, волки такие же монстры, как вампиры для людей. А с точки зрения свиней и коров, монстры – люди. Есть законы пищевой цепочки, и тот, кто находится выше, всегда будет монстром для тех, кто ниже.

– А второе правило, – тут я подошла к мальчишке вплотную и уставилась ему в глаза, обрамленные удивительно пышными ресницами, – ты можешь думать обо мне все что хочешь, но вслух, при мне или без меня, никогда не смей говорить обо мне неуважительно! Я не унижаю тебя перед твоей стаей, ты ведешь себя со мной вежливо.

Возможно, когда мы отсюда выйдем, я пожалею о том, что не отыгралась на щенке за «тварь», но сейчас мне очень хотелось хотя бы попытаться договориться с ним. Мирно.

– Иначе мне придется тебя наказать, и уверяю, тебе это не понравится.

Глаза волчонка ярко вспыхнули в полутьме подземелья.

Я регулярно обновляла факелы, крепящиеся к стенам, первое время буквально заставляя себя спускаться вниз. А потом поняла, что именно здесь мне лучше всего удается сконцентрироваться. Исчезают эмоции, злость, ненависть, остается только холодный трезвый расчет.

Слезы у меня уже давно были выплаканы, жалость изничтожена. Ко всем: и к погибшим, и к выжившим. Но приступы неконтролируемой ярости я смогла победить совсем недавно, лет так восемьдесят назад. И примерно тогда же

окончательно смирилась с тем, что все придется делать самой.

Собрала книги – те, которые были растащены нами по комнатам несмотря на запрет создателя, и те, которые уцелели после разгрома библиотеки. И принялась учиться… Учиться быть вампиром, учиться пользоваться магией, учиться пользоваться даром. Учиться выживать.

И заодно наблюдала за своими потенциальными врагами, чтобы определить виновны ли они на самом деле. Выискивала их слабые стороны, изучала связи с другими кланами…

Мне повезло. Я была последним птенцом. Настолько неопытным, что создатель часто запирал меня на ночь в специальной комнате, чтобы я не вырвалась на свободу, пока все спят, и не устроила бы в ближайшей деревне кровавый пир.

Мне всегда было обидно его недоверие. Но именно оно меня спасло. Убийцы просто прошли мимо…

Конечно, мне пришлось провозиться, чтобы справиться с замко?м, а потом очень пожалеть, что я сделала это слишком рано… или слишком поздно. Да, сначала мне было очень больно, адски больно в душе. Я искренне сожалела о своем везении. Но, к счастью, не одичала, не сошла с ума. А ведь могла…

– То есть ты позволяешь мне считать тебя тварью, но не хочешь, чтобы я говорил это тебе в лицо? – Голос щенка вернул меня из прошлого в реальность.

Наши взгляды пересеклись. Мальчишка поджал свои красивые губы, презрительно прищурился, задрав подбородок вверх, и процедил:

– Живым трупом тебе пришлось стать не по своей воле, а тварью ты стала сама. Отменной. И что бы ни произошло с твоим гнездом, оно не оправдывает того, что ты сделала со мной.

– Или ты заткнешься, или я дам тебе возможность оценить уровень моего падения. – Ухватив щенка за подбородок, я заставила его склонить голову. Все же он был выше меня, и так мне было удобнее на него смотреть.

Улыбка на моих губах не предвещала ничего хорошего, и мальчишка прекрасно это чувствовал. Я вдыхала запах его пота, слышала, как изменилось биение сердца, ощущала кожей его тяжелое глубокое дыхание. Мы смотрели друг другу в глаза и оба с трудом сдерживались, чтобы не наговорить лишнего.

– Ладно, мне достаточно того, что ты знаешь мое мнение о тебе. – Щенок решил побыть разумным и не провоцировать меня без необходимости. – Я могу вернуться к стае или ты собираешься пить мою кровь каждый вечер?

– Проваливай, – устало выдохнула я. – Теперь, когда мне не надо охранять стаю бесполезных псин, я найду кем перекусить.

– Приятного аппетита… тварь. – Щенок оскалился, рыкнул, только язык мне не показал… И мы покатились по полу, отчаянно лупя друг друга. Сцепились в живой рычащий клубок. Он кусался, пытался меня задушить, вывернуть мне руки. Я тоже кусалась и лупила его со всей силы. А потом прижала его за запястья к полу и уселась сверху, сжав его ноги своими. Поза была довольно провокационной, а мальчишка – возбужденным. Адреналин сработал.

Немного повозившись, я смогла удержать обе его руки моей одной, а ногтями другой с наслаждением оцарапала ему грудь и живот. До крови… И это было ошибкой.

Мое желание отослать его прочь и перекусить каким-нибудь припозднившимся гулякой резко испарилось. Еда была уже тут. Вкусная, разгоряченная, возбужденная.

– Пытаешься мною манипулировать, щенок? – процедила я, глядя в сверкающие от страха и азарта глаза мальчишки.

– Ты хочешь себе ручного волка, а я – ручного вампира. Все честно, – усмехнулся он. – Я отвечаю за свою стаю, значит, должен следить, чтобы ты не создала нам проблем на новом месте.

– То есть в то, что я не питаюсь в ближайших селах, ты не поверил? – Вначале я ощутила раздражение, но потом развеселилась и даже рассмеялась. Голод, испугавшись моей странной реакции на еду, на время испарился. Сама еда уставилась на меня честнейшим взглядом и кивнула. – Ну и идиот, –

констатировала я. – Я здесь живу двести восемь лет. И это мне надо переживать, не притащила ли я с собой двадцать семь лохматых проблем!

– А мы тебе не навязывались, – обиженно буркнул мальчишка. – Прекрасно жили без тебя столько времени и дальше прожили бы. Ладно. Договорились. Ты не создаешь забот нам, мы терпим тебя рядом. И я не называю тебя вслух тем, кто ты есть. И… это… спасибо, что дралась честно!

От последней фразы я снова развеселилась. Но щенок был прав: я дралась, используя лишь свою собственную силу и совсем не задействовав ни магию, ни вампирскую скорость.

– Проваливай уже, – устало махнула я рукой в направлении лестницы. – Если вдруг соскучишься, просто сосредоточься, представь меня и позови.

– Лет так через сто… – ухмыльнулся мальчишка, обернулся волком и умчался наверх. Через секунду хлопнули двери, выпуская щенка из замка. А я осталась сидеть на полу в подземелье. Настроение резко испортилось. Словно все веселье сбежало прочь вместе с наглым оборотнем. Правда, вскоре вернулся голод. И вообще, у меня целая куча дел…

Раз у меня теперь есть стая, значит, можно начать искать птенцов. Конечно, сначала надо поучиться на ком-то просто подвернувшемся под руку, но все равно даже тестового птенца следует выбирать осторожно и продуманно. А уж тех, кому суждено стать действительно моей семьей, придется выискивать так же любовно, как делал мой создатель.

Впереди тяжелые трудовые будни.

Главное, чтобы волки вели себя прилично. Конечно, придется за ними присматривать, зачистить стаю от слабаков, поискать им самок, отслеживать их общение с людьми… И приручать вожака!.. А то размечтался тут… «Ручной вампир». – Я презрительно скривила губы, раздраженно фыркнула, но потом рассмеялась. Каков наглец, а! Следить за мной он собрался, чтобы я его стае проблем не доставила!.. Лохматый балбес!

Глава 4

Когда я выползла из подземелья, вылетать на охоту уже было бессмысленно. Даже самые припозднившиеся гуляки отправились спать. Нет, если как следует порыскать по ближайшим городкам, можно было найти какого-нибудь подвыпившего завсегдатая таверн, однако я старалась не злоупотреблять алкоголем. Как ни странно, но со временем даже у вампиров появляются зависимости.

Просто сидеть без дела не хотелось. Можно было слетать навестить ближайших врагов, но делать это голодной слишком рискованно. Так что выбор получался не слишком богатый. Или ужинать, или спать. Или пойти подоставать щенка. Хотя это я, конечно, совсем уж от скуки придумала.

В конце концов выбрала ужин, потому что еще из прежней жизни запомнила: спать на голодный желудок вредно, кошмары приснятся.

Прежде чем покинуть замок, я притаилась, чтобы понаблюдать за волчонком и его стаей. Вместо того чтобы всем упасть вповалку, часть отправилась охотиться, а остальные, обнаружив где-то старые топоры, молотки и даже гвозди, приводили в порядок несколько пристроек. Без дела не валялся никто. Двое самых уставших следили за костром, на котором кипятился тоже откуда-то найденный котел с водой. То есть, скорее всего, уже нашли колодец, который я поддерживала в действующем состоянии. Все-таки зимой мыться в реке не слишком комфортно, а я даже в первые годы не настолько одичала, чтобы бегать грязной и в рваной испачканной одежде. Да и пить хотелось не только кровь.

В общем, стая обживалась довольно бодро. Так что я с чистой совестью отправилась искать себе ужин. Добравшись до городка в трех, а то и четырех днях пути от моего замка, уселась летучей мышью на самую высокую крышу, занавесилась туманом и принялась изучать окрестности. Все же в городах с полуночными гуляками попроще, и часть из них вполне трезвая.

Вот, например, молодой парень, бредущий через пару улиц от меня. Во-первых, не знаю уж, по какому принципу это работает, но кровь детей – как незрелый виноград, стариков – как перезрелый, а дальше кто-то любит белое вино, то есть женщин, а кто-то красное – то есть мужчин… Я любила красное полусладкое –

молодых мужчин лет двадцати пяти – тридцати.

Мальчик, прогуливающийся с печальным видом по городской мостовой, был слишком сладковат, ровесник щенка, если не младше. Но разнообразием блюд этот город меня не радовал, так что придется есть что дают.

Слетев вниз, я чуть обогнала паренька, спрятавшись между домами, а потом возникла перед ним. Посмотрела ему в глаза, задействовав магию, и едва успела подхватить расслабленно оседающее на камни тело. Все прошло как-то слишком быстро – верный признак того, что еда витала где-то в облаках и ее внимание и так было расфокусировано.

Снова спрятавшись между домами, уже с добычей, я прислонила мальчишку к стене и расстегнула пару пуговиц у него на рубашке, чтобы было удобнее кусать. Конечно, вкуснее, когда тело разогрето, только бесполезно пытаться возбудить того, кто практически без сознания. Нет, попытаться можно, вдруг получится?

Я сжала еду пальцами за щеки. Пухлые губы сложились бантиком, взгляд слегка прояснился, но ненадолго. Однако мне этого вполне хватило, чтобы магией заставить его сердце биться чаще и направить приток крови вниз живота.

– Эль… – прошептал мальчишка, глядя на меня затуманенно-влюбленным взглядом. Я не знала, кто это, но мне было и не нужно. В этом преимущество вампирской магии, она действует изнутри, используя фантазии того, кого мы очаровываем. И источнику моей еды сейчас мерещится, что он с кем-то очень для него желанным. Причем мне не надо даже его гладить, это он тоже сам себе вообразит, выгибаясь от возбуждения в моих руках.

Я просто дождалась, когда эротические мечты приблизятся к кульминации, и впилась зубами в венку на шее… Вот только, насытившись, с удивлением обнаружила, что мальчишка еще жив. По крайней мере, сердце у него по-прежнему билось. Что ж, может быть, судьба решила облегчить мне задачу таким странным способом?

Выпивание практически досуха, но при этом с сохранением жизни – это первый этап сотворения птенца. Именно поэтому свое гнездо можно создавать, лишь полностью взяв под контроль собственный голод. Только тогда ты готов

заботиться и контролировать голод еще кого-то.

Вторым этапом был акт благословения, ведь для птенцов их создатель – отец, повелитель и бог в одном теле. Надкусив свой палец, я провела по губам мальчишки. Дождалась, когда он облизнется, и, обернувшись внушительных размеров летучей мышкой, подхватила его лапами и быстро помчалась в замок. До рассвета оставалось не так уж много времени, а раннее яркое солнце могло повредить моему первенцу.

Я устроила своего тестового птенца в той самой комнате, где когда-то запирали меня. Вряд ли он проснется днем, но если вдруг это случится, то навредить себе точно не сможет. Вампирской силы у него пока еще нет, поэтому будет сидеть и ждать, пока я не принесу кого-нибудь, чтобы утолить его первый голод.

Создатель рассказывал, что некоторые птенцы отказывались от еды несколько дней, пытаясь уморить себя, пока вампирская суть не одерживала победу над человеческой. Конечно, бывали случаи, когда вбитые с рождения идеалы так глубоко оседали в подсознании, что птенец не выдерживал и сходил с ума или самоубивался, отказываясь принять дар вечной жизни. Ну… может быть, конечно, первый блин выйдет комом, но это же экспериментальный образец! Я просто тренируюсь, вот и все.

Однако на всякий случай я навестила своего щенка, оценила сладко спящих вповалку в двух пристройках двадцать семь… нет, все-таки двадцать шесть тел… И почти сразу наткнулась на двадцать седьмого, сидящего в дверях и глядящего на меня суровым взглядом обычных каре-черных глаз. Кто-то из волков в стае, охранник. Хороший, кстати, охранник, раз меня почуял и даже храбро встал на пути, правда уже после того, как я вошла во вторую пристройку.

– Если бы это был другой вампир, то все твои собратья были бы уже мертвы, – с презрением процедила я. – Учись внимательности, псина! И передай вожаку, чтобы утром явился ко мне.

Ощущая себя доброй феей, щедро позволившей щенку поспать еще пару часиков, я добрела до своей комнаты, упала на кровать и уснула.

***

Утром я проснулась от ощущения чужого присутствия и инстинктивно метнулась на врага, чтобы свернуть ему шею и оторвать голову. Правда, я успела остановиться, почуяв знакомый запах, и отшвырнула яростно рычащего волчонка на кровать.

– Психованная сука! – выпалил он, сначала несколько раз до этого открыв рот, словно рыба на суше, но все же про тварь ничего не сказал. Хотя это слово буквально светилось в его глазах.

– Тебя стучаться не учили?! – огрызнулась я. – А если бы я тебя прибила нечаянно?!

– Стая бы расстроилась, – буркнул мальчишка. – Ты-то нового придурка нашла бы. По отработанной схеме…

– Я за тобой четыре года наблюдаю, и поверь, другого такого придурка найти будет очень сложно, – усмехнувшись, я щелкнула недовольного щенка по носу. Заранее. Чтобы не стал задирать после моих слов. – Запомни! Никогда не подкрадывайся к спящему вампиру.

– Очень надо! Я просто стоял и думал, как тебя разбудить, пинком или иначе… – На губах у щенка промелькнула ухмылка, буквально намекающая, что лохматый балбес заявился за утренней трепкой. – А то у меня тут дел по горло, и несколько раз к тебе бегать времени нет.

Горестно вздохнув, я очень медленно для вампира улеглась на как раз пытающегося встать мальчишку и придавила его к кровати, усилив свой вес магией раз так в пять. Как раз чтобы нахал не превратился в лохматую лепешку и чтобы абсолютно точно не смог меня скинуть. Для надежности еще руками запястья ему обхватила, а потом приподнялась на локтях и уставилась в наглые бесстыжие глазища.

– Нечестно, – выдохнул щенок, храбро глядя мне в лицо.

Правда, я ощутила слабый запах пота и учащенное сердцебиение.

– М-да? А по-моему, бесполезно, – хмыкнув, решила, что, раз кто-то собирается проверять границы моего терпения, самое время продемонстрировать, что произойдет, когда кто-то их достигнет. – Совершенно бесполезно объяснять тебе, что такое поведение недопустимо.

На самом деле мне было очень весело. Внезапно я вспомнила, что мне все еще девятнадцать… где-то там, глубоко в подсознании. И что я слишком резко повзрослела, не успев насладиться своей молодостью. Только если сейчас не затормозить этого шута, то вскоре он совсем перестанет воспринимать меня всерьез.

Поэтому, как бы мальчишка ни вырывался, я перевернула его животом вниз. Зафиксировала запястья одной рукой, сползла с кровати и, несмотря на брыкания, спустила со щенка штаны. Полюбовалась на извивающуюся задницу, на которой напряглись, по-моему, все мышцы сразу.

Мальчишка отчаянно вырывался, рычал в подушку, лягался, как необъезженный конь… Только это его не спасло. Свои шесть хлопков ладонью по заду он получил.

После чего я его выпустила, подождала, пока разгневанный щенок встанет, зыркнет на меня своими ярко-голубыми лучами, окатит волной бессильного гнева и попытается гордо выйти из комнаты.

– Я тебя звала не для того, чтобы на твою обиженную рожу любоваться, – спокойно произнося эту фразу, я с совершенно бесстрастным лицом поправила у мальчишки растрепавшиеся волосы. Темные, вьющиеся, почти до плеч. Пока он боролся со мной, челка превратилась в колтун, и у меня руки сами потянулись распутать длинные пряди. Вполне логично, что мне хочется привести в порядок собственную собачку. Даже если она дикая, наглая и пытается огрызаться.

– Я создала птенца, сейчас он спит, но вечером за ним надо будет присматривать. Я полечу охотиться и могу задержаться, так как придется искать еду для двоих. Понял?

– Да, в замке стало на одну тв… – мальчишка словно споткнулся, глубоко вдохнул, потряс головой и посмотрел на меня с непонятной ненавистью. Хотя я всего лишь попыталась научить его думать о других. Ведь его же я пожалела, не

стала будить. А он и разбудил, и нахамил, и под конец еще сам же обиделся.

– Тебе повезло. Я знаю, что ты не только сильный, но еще и умный. Но сейчас у меня ощущение, что ты внезапно стал дурным на всю свою лохматую голову.

– У меня тоже, – недовольно буркнул мальчишка и вылетел, громко хлопнув дверью.

Балбес… Кто он еще после этого?!

***

Днем я изредка подходила к комнате с птенцом и прислушивалась, проверяя, спит ли он. Но большую часть времени приводила в порядок замок. Где-то своими руками, где-то магией, где-то нагло используя волчьи лапы.

На самом деле и собственными силами, но с использованием вампирской скорости я бы справилась с уборкой за полдня. Просто мне было очень лениво заниматься всем этим в одиночестве. Даже имея перед собой вполне четкую и осознанную цель – выпустить птенца в нормальный чистый дом, а не в разрушенные развалины.

Правда, к вечеру у меня были чистые развалины, а не нормальный дом. Разбитые окна вампирской магией не восстановить, поломанную мебель не склеить, сгнившим тканям былое великолепие не вернуть, мозаику и витражи по новой не собрать… Но, по крайней мере, начало было положено.

Часть мусора я спалила прямо внутри, развеяв пепел через дыры в окнах, часть вытащила на улицу и устроила большой костер неподалеку от замка. Еще часть раздала бедным… вызвала рыжую самку и позволила ей забрать все, что посчитает нужным. Разговаривать со щенком мне почему-то не хотелось. Наговорит опять гадостей, и его снова придется отлупить, а мне это абсолютно не нравится.

Зато Рыжая, зайдя ко мне в комнату, так и застыла, глядя на кровать. Конечно, покрывало все комком, подушку мальчишка погрыз везде, где смог… Со стороны, наверное, очень похоже на страстную бурную оргию, а не на место для

порки невоспитанных волчат.

Но самка оказалась мудрее своего вожака и вопросы задавать не стала. Выяснила, что хотела, и умчалась прочь – руководить перетаскиванием доставшегося стае богатства.

А вечером ко мне заявился щенок, как раз когда я заканчивала разбирать комнату близнецов.

Тут было разрушено почти все. Августа и Клаус сражались как загнанные звери, которым уже нечего терять. И погибли в бою, а не в подземелье, куда убийцы стаскивали выживших.

Проклятая эмпатия и ментальная связь с членами своего гнезда позволила мне прочувствовать боль и смерть каждого. Каждого! Именно поэтому казнь создателя меня не убила, я уже была не в себе, когда это произошло. Хотя она, как молния, ударила по всем его птенцам…

Ее ощутили даже те, кто был далеко. Когда появилась я и объяснила, что именно произошло, старшие братья и сестры упоминали о дурном предчувствии, о внезапной боли в сердце… Они все поняли, что их создатель умер! Вот только мстить за него отказались.

Под пристальным взглядом мальчишки слишком углубляться в воспоминания у меня не получилось. Смерть гуляла по замку двести лет назад, сейчас мы пытаемся вернуть в него жизнь.

Щенок, похоже, опять пришел нарываться. Он стоял в дверях, подпирая спиной косяк, скрестив руки на груди и разглядывая меня с непонятным вызовом. Я провела ладонями над полом, магией собирая мусор в одну кучу и стараясь не вспоминать, что этот осколок от любимой кружки Клауса, а вот головка от фигурки балерины из коллекции Августы, и обрывки их портрета, и… Я отомщу за вас, чего бы мне это ни стоило! Отомщу…

– Когда ты голодная или злишься, у тебя глаза из сиреневых становятся алыми, – с неожиданным сочувствием произнес мальчишка.

Ничего не отвечая, я ударила по мусору огненной магией, заставляя его вспыхнуть. Яркое сильное пламя сразу метнулось под потолок, а я внезапно оказалась в дверях, в объятиях злющего щенка, прикрывшего меня от огня своим телом.

– Психованная сука! – процедил он, когда пламя слегка утихло, а я чуть-чуть пришла в себя.

Интересно, он меня спасал просто так или из-за нашей связи?

Глава 5

Я стояла в дверном проеме и пыталась осознать сразу две вещи. Во-первых, оборотни не такие уж улитки и могут успеть схватить вампира, если тот, как последняя ворона, раскрыв клюв уставился на огонь и погрузился в воспоминания. Во-вторых, вместо того, чтобы открутить мне голову, меня… похоже… пытались спасти?!

– Вампиры не сгорают… – принялась объяснять я.

– Да, они становятся страшными, облезлыми монстрами с просвечивающими сквозь обгоревшую кожу костями и потом ползают в поисках еды, рассыпая вокруг угольки и воняя подгоревшим мясом, – с презрением процедил щенок и даже не поежился, выдавая вполне реалистичное описание.

– Прям как будто сам видел, – немного нервно рассмеялась я.

После того как мое гнездо разрушили, обо мне никто не заботился. И уж тем более никто не пытался спасти просто так, чтобы я не превратилась на какое-то время в монстра.

Хотя вряд ли я бы позволила самой себе сгореть до такого состояния. Так, слегка бы воспламенилась, зато запомнила, что рядом с огнем расслабляться опасно. Эта стихия хоть и подчинилась мне одной из первых, но постоянно стремилась вырваться на свободу и укусить побольнее.

Вот только мальчишка всех этих подробностей не знал. Зато представлял, во что превращается сгоревший вампир. Возможно, по чужим рассказам, конечно…

– Видел. Жители одной деревни пытались спалить кровососа, но не вышло. Пришлось потом топорами добивать.

Слово «кровосос» мне не понравилось даже больше, чем «тварь», потому что оно было произнесено не с провокационной или раздраженной злостью, а с презрением, как о чем-то мерзком и отвратительном. Когда же щенок цедил «тварь», я отчетливо слышала капельку уважения.

– Что?! – Мальчишка посмотрел на меня с вызовом и наконец-то разжал руки и сделал шаг назад. – Мне теперь обо всех умертвиях и нежити надо говорить только хорошее?! Вот тот гад после упокоения топором очень даже милый стал. Рассыпался в прах…

– Значит, не из новообращенных был. Странно, что позволил себя поймать, – удивилась я, заодно быстро и незаметно оглядев щенка и убедившись, что он сам не обжегся. Спасатель… Прикрыл собой, чтобы я в монстра обгорелого не превратилась!.. Глупо ужасно, но почему-то приятно.

– А его и не спрашивал никто, самые храбрые сети накинули, а потом остальные набежали с факелами…

– Сети? – О сетях при охоте на вампиров я раньше ничего не слышала.

При нашей скорости порвать любую сетку дело одной секунды. Вот с веревками пришлось бы повозиться подольше, может быть даже отгрызть себе руки или ноги. Но связать нас можно лишь во время сна, к тому же те, кому уже за двести, спят довольно чутко и просыпаются быстро.

Я иногда размышляла, что думал создатель, ощущая приближение врагов. Он ведь мог сбежать, так как наверняка проснулся, едва погибли первые из нас. Не знаю, наверное, я бы так и поступила. И тут дело не в трусости. Я бы затаилась, чтобы выжить и потом перебить всех виновных.

Создатель был к нам привязан, но не настолько, чтобы умереть вместе просто за компанию.

Я додумалась только до двух вариантов. Или создатель хорошо знал кого-то из нападавших и надеялся выторговать жизнь не только себе, но и уцелевшим птенцам, которых зачем-то стащили в подземелье. Или на создателя напали самым первым. Несколько сильных вампиров, очень сильных.

Вначале я настолько запуталась в чужих и своих ощущениях, что плохо понимала, кто, где и с кем сражается. Так что возможны обе версии развития событий или какая-нибудь третья, которая мне даже в голову не пришла.

– Сеть, пропитанная чесночным маслом, – хитро усмехнулся мальчишка, хотя в его глазах появилась какая-то непонятная настороженность. Словно он почувствовал, что я опять ушла мыслями в прошлое.

Надо бросать эту дурную привычку. Пора начинать жить настоящим и думать только о будущем. Вот отомщу и заживу счастливо с гнездом птенцов и стаей оборотней.

– Чесночное масло вампира не убивает, – хмыкнула я и тут же задумалась.

Не убивает, но ослабляет, ровно настолько, чтобы толпа жалких людишек успела подбежать и пошвырять в бессмертного факелы и потом зарубить его, временно дезориентированного болью, топорами. Толпа – страшная сила! Правда, им всем повезло, что вампир был один.

– Но спасибо, что предупредил. О такой подлости я даже не догадывалась. – На это мое высказывание щенок скривил губы и едва заметно оскалился. Непонятно, усмехаясь или злясь на собственную болтливость. – А теперь посади кого-то следить за моим птенцом, пока я добуду нам с ним еду.

– Принесешь сюда человека, как птицы – червяков?! – почему-то возмутился мальчишка.

Я лишь пожала плечами и сбежала прочь. Обернулась и полетела в ближайший город, тот самый, откуда я птенца притащила.

Переживания щенка о людях мне не понятны, для нас они всего лишь еда, для обычных волков – тоже еда и источник опасности. Только оборотни волнуются за этих мотыльков, причем сами люди ненавидят все другие расы без разбора. Разве что домовых иногда балуют и леших уважают.

Но леших-то все уважают!.. Никому не хочется в лесах плутать до самой смерти.

А вот с домовыми у вампиров отношения не складываются. Они же за еду работают, а мы кровью питаемся. Ну еще водой, вином, соками… для разнообразия. А жесткую пишу наши желудки не воспринимают. И специально ради домовых держать в замке крупы, сушеное мясо, закупать овощи и разводить коров ни один нормальный вампир не станет. М-да… Разве только тот, кто завел себе целую стаю оборотней. Зимой-то с охотой напряженно будет.

И тут меня прямо в полете смех разобрал. Так в небе и запищала от восторга, тоненько, ультразвуком.

Есть такая человеческая поговорка, деревенская, вот прямо как про меня сейчас: «Жила баба, хлопот не знала, да купила порося. И теперь в хлопотах вся». Но ведь точно… Зима-то близко, оглянуться не успеем!

Поэтому, прежде чем ловить червячка своему первому птенцу, я развернулась и помчалась в тот лес, откуда привела себе стаю.

Где их лежбище, я знала хорошо и без плетущихся следом лохматых улиток долетела быстро. Огляделась, скептически поджав губы, а потом еще раз помянула бабу и порося.

Нет, мне достались запасливые поросята с хорошим умным вожаком. У них на скорую руку была возведена времянка, в углу которой валялись первично обработанные шкуры. Значит, у кого-то в стае есть опыт работы скорняка. Это хорошо, вампиры тоже мерзнут.

На стенах сохли травы, тоже явно собранные не просто так, что под руку попало. Но главное, на натянутых от стены к стене веревках висели большие куски мяса, заботливо завернутые в тонкую ткань и обмотанные нитками. Да, поросята молодые, но не дурные и запасливые. Значит, когда обживутся в замке, вернутся сюда забрать заготовки на зиму.

По этому поводу у деревенских жителей есть другая, очень подходящая по смыслу пословица: «Баба с возу – кобыле легче».

Надо только не забыть, уходя, как следует подпереть дверь и на всякий случай навесить на избушку морок. Теперь ее никто, кроме меня и волков из стаи, не увидит. Так что можно спокойно лететь на поиски червячка для своего питомца. Вот уж о ком никто, кроме меня, не позаботится.

***

Мой эгоизм и вкусовые пристрастия начали бороться с чувством ответственности перед единственным, пусть и тестовым птенцом еще на подлете к городу. Ему-то, наверное, лучше девушку, а вот мне хотелось парня, причем слегка постарше, чем уже имеющийся у меня детский сад. Хотелось крови кого-то заметно за двадцать. Я и будучи человеком не очень любила ровесников.

Вот только поблизости вообще никого не было, зато я знала, где можно найти подходящую для моего питомца девушку.

Одну из тех, что прогуливаются по темным улицам в поисках знакомства на одну ночь, так же, как и я, охотясь за мужчинами постарше. У них тоже были свои гнезда, вокруг которых они кружили или внутри которых ожидали клиентов.

Несколько раз облетев центр, я наконец-то заметила круглый красный фонарь, а под ним сразу трех девушек, одна из которых выглядела не сильно потасканной. Что ж, у птенца ужин есть, но неплохо было бы и о себе позаботиться.

И словно по заказу, со стороны более бедного квартала, громко стуча металлическими каблуками по каменной мостовой, появился молодой мужчина. Мой любимый возраст, где-то около двадцати пяти, мой любимый цвет – золото с рыжиной. Щенок и тестовый образец были темненькие, а у блондинов вкус крови слегка отличается, хотя, бывает, и с брюнетами везет, но реже. У создателя в дневнике разнообразие вкусов объяснялось группой крови, наличием или отсутствием каких-то витаминов и минералов, давались советы по улучшению питания источника. Создатель предпочитал не выпивать людей сразу, а смаковать, как я щенка. Кстати, насчет минералов и витаминов можно будет потом поэкспериментировать.

Но сейчас в одном месте и в одно время собрались подходящая моему птенцу девчонка и вполне устраивающий меня мужчина. Теперь надо быстро оглушать еду на вывоз, чтобы она не развопилась на всю улицу, пока я буду спокойно ужинать, и пристроить ее где-нибудь между домами, чтобы полежала спокойно.

Две другие девушки сразу заметили, что их напарница исчезла, заволновались, но испугаться как следует не успели. Возникнув из туманной дымки, я одурманила взглядом сразу одну и вторую, а потом подхватила под руку застывшего и тоже уже зачарованного мною парня. Одновременное ментальное влияние сразу на троих, конечно, мелочь, доступная даже для столетнего вампира. Только я довольно редко тренировалась использовать групповое внушение. Кстати, зря: в любой же момент может пригодиться. Манипулировать сознанием толпы – очень важный навык, пусть и сильно энергозатратный, пока нет опыта. Но зато никакая тварь сетку накинуть не успеет…

Свою еду я оттащила туда же, где уже лежала третья из девушек. Разогрела, довела до нужной степени готовности и впилась зубами, с наслаждением делая глоток за глотком, пока не насытилась. Нет, наверное, в меня бы еще влезло, но в какой-то миг впервые за двести с лишним лет у меня проснулось что-то типа совести и с укором посмотрело голубыми грустными глазами. Так что я аккуратно отложила парня, предварительно убедившись, что он жив и, вероятнее всего, жить будет. А потом обернулась в мышку покрупнее, подхватила девицу и взмыла в ночное небо.

Совесть – это забавно, когда изредка и ненавязчиво, а то так можно вообще докатиться до исключительно животной пищи. Я несколько десятков лет ею питалась, мне не понравилось! Ослабевает все: магия, тело, разум. Зато вероятность одичать повышается. Поэтому, если кому-то не нравится мой образ жизни, пусть на себя самого с точки зрения оленей полюбуется. То-то его стая повеселится, если их вожак на вегетарианство перейдет!

Девчонку я со свистом пронесла по замку прямо до нужной мне комнаты. Бросив еду на пол, обернулась и, приложив ухо к дверям, прислушалась. Тестовый образец уже проснулся и громко жалостливо пыхтел. Страдал.

Волк, охраняющий дверь, едва заметив меня, быстро сбежал прочь. Ну и правильно, тут сейчас будет первая прикормка, зрелище не для слабаков. А псины у меня какие-то душевно ранимые все, включая главного балбеса.

Увидев, как я втаскиваю девчонку в комнату, птенец подскочил с кровати и уставился на меня как на привидение. Но потом он разглядел еду и кинулся к ней. Я-то наивно обрадовалась, что мне повезло с первенцем и он сейчас сам покушает, без уговоров, но этот психованный упал перед проституткой на колени и принялся подвывать. Из его стонов я почти сразу вычленила знакомое слово: «Эль!»

Получается, я ему его влюбленность прямо на дом притащила? Что ж, тогда с него причитается…

Усевшись на кровать, я какое-то время наблюдала за трогательной сценой, достойной женского романа. Правда, оборвалась она довольно резко и как-то совсем не романтично. Эль пришла в себя и с размаху залепила страдальцу ладонью по физиономии. А потом заорала… Громко так, словно ее убивают! У меня чуть уши не заложило… И если бы только у меня!..

Не прошло и двух минут, как под дверью комнаты была вся стая во главе с вожаком, и смотрели они на меня очень недобро.

– Все претензии к этой дуре. – Пожав плечами, я махнула рукой в сторону девчонки. – Ей была оказана великая честь стать первой едой моего питомца, а она его избивать начала и орет еще так, что я чуть не оглохла!

– То есть честь не оценила и еще защищаться пытается? – с ехидством поинтересовался щенок, единственный из всей стаи сменивший ипостась с волчьей на человеческую. – Точно, дура какая-то, не иначе. Ты в следующий раз справку от лекаря спрашивай…

– Кто-то сейчас договорится, – предупредила я, сурово нахмурившись. – У меня тут птенец некормленый, еда агрессивная, так что рекомендую не нарываться. А то крайним окажешься.

– Давай мы твоему птенцу зайца поймаем? Живого! – похоже, от чистого сердца предложил волчонок.

Я задумалась, глядя, как мой слабоумный первенец ползает на коленях перед проституткой и лопочет что-то очень похожее на любовные признания. Первый блин у меня все-таки не получился. Толку от такого вампира в гнезде не будет.

Можно, конечно, девчонку попробовать обратить, в ней хотя бы характер чувствуется. То рукой, то ногой настырного поклонника отпихивает и на стаю волков лишь косится, в обморок не падает. Крепкая девица попалась.

– Не вздумай только из нее кровососа делать, – внезапно чуть ли не в приказном порядке заявил щенок. Но потом, сообразив, что очень сильно перегнул, опустился передо мной на колени, только ползать по примеру птенца вокруг не стал, просто уставился на меня преданнейшим взглядом: – Пожалуйста, смотри, какая она храбрая! Достойная пара для оборотня…

– Ладно, забирайте! – недовольно буркнула я и небрежно махнула рукой. Уже подошедшая поближе Рыжая, тоже сменив ипостась, подошла к Эль, приобняла ее и потянула за собой:

– Пойдем, у нас тебе хорошо будет! Мальчики все как на подбор, не то что этот…

За «этого» я прямо чуть не обиделась, хотя на самом деле самка была права. Тестовый образец у меня оказался какой-то совсем никудышный. Но кормить его все равно надо.

– С вас заяц, – напомнила я щенку, пока он не сбежал прочь. – Живой и пожирнее.

– Да хоть олень, – рассмеялся мальчишка и широко улыбнулся, сверкнув кривоватым верхним клыком. Странно, но эта неидеальность совсем его не портила.

Я тоже улыбнулась, а потом, представив бегающего по замку оленя, помотала головой:

– Нет уж, рогатых паникеров с копытами мне тут не надо. Зайца достаточно.

Глава 6

Когда щенок самолично притащил мне пойманного крупного зайца, я с трудом удержалась, чтобы не обозвать его тварью. Нет, понятно, что эти ушастые пушистики только с виду беззащитные и слабые, а на самом деле они одной задней лапой могут вспороть тебе живот, а уж двумя одновременно вообще разорвать все до позвоночника. И заботливые волки, решив, что мой птенец совершенно убогий, взяли и сломали зайцу его убийственное оружие.

– Еще бы шею свернули, монстры! – рассерженно рявкнула я на мальчишку.

– А надо было? – уточнил он, глядя на меня преданно-наивным взглядом. – Мне казалось, что вы хищники, а не падальщики.

– Проваливай. – Я помотала головой, дунула на упавшую на лоб прядь волос, взяла несчастного зайца за уши, поглядела ему в глаза, отключая все чувства, чтобы ему было не больно и не страшно. А потом понесла бедолажку к подозрительно затихарившемуся подопытному.

Мысленно я уговаривала себя не разрывать артерию самой, чтобы потом выдавить всю заячью кровь прямо в рот птенцу. Но, едва увидев пригорюнившийся тестовый образец, зарычала от раздражения, когтем разорвала зайцу вену на шее, так что кровь хлынула на пол, и швырнула несчастное животное сидящему у кровати парню.

Еще не хватало, чтобы бедное создание мучилось, ожидая, пока этот страдалец соберется с духом, чтобы впиться клыками в добычу. И так уже один лохматый балбес поглумился. Садист… Тварь!.. Как так можно со зверушкой?!

Едва птенец почуял запах крови, у него сработали инстинкты, так что тельце он выпил с наслаждением и досуха. Значит, есть надежда со временем перейти с зайчатины на человечину. Может быть, в следующий раз просто взять это недоразумение с собой на охоту? Или сразу упокоить, чтобы не мучился и меня своим грустным видом не злил?

Из комнаты я вылетела еще быстрее, чем в нее вошла. Интересно, бывают такие случаи, когда создатель испытывает к своему птенцу лишь отвращение? Мне даже нарекать его новым именем не хотелось. Но оставлять то, что было в прошлой, человеческой жизни, считалось очень плохой приметой. Его использовали иногда как запасное, второе, и то старались слегка переделать,

чтобы ничто не напоминало о временах, когда ты был мотыльком-однодневкой, слабым, беззащитным и доступным всем болезням.

Новое имя давал создатель, родитель. Меня он назвал Фиолой. Просто изначально, сразу после обращения, мои глаза были фиолетовыми. Это потом в них добавилось чуть больше красного и они стали сиреневыми. У Клауса и Августы глаза были зеленовато-красными и, наверное, со временем стали бы шоколадными. Было бы очень красиво, потому что чаще всего у вампиров глаза любых оттенков от насыщенно-винного до темно-пурпурного. Иногда встречаются бордовые или просто коричневые. А вот сиреневые – редкость. Наверное, раньше, до обращения, они у меня были голубыми… как у щенка.

А птенца так и тянуло назвать Дориш, Гусам или Хасрат. Или всем сразу. Скорбно-печальная тоска… Ладно, пусть будет Дориш. Скорбь. Главное – не забыть ему об этом сообщить.

Довольная собой, я отправилась спать, но где-то на половине пути в коридоре меня поджидал волчонок.

– Как все прошло?

Встав так, чтобы перегородить мне путь, мальчишка соорудил на лице независимо-безразличную мину, вот только спрятать за этой маской виноватый взгляд у него не получилось. Хотя он честно попытался.

– Овцы сыты, зайцы сдохли, волки пока еще целы, – переиначила я резко всплывшую в памяти поговорку. Я вообще кладезь таких пословиц благодаря одному из собратьев, деревенскому пареньку, которого создатель обратил за пару месяцев до меня. Он знал тьму-тьмущую присказок, на все случаи жизни.

– Ты это… тупая шутка с зайцем вышла. Извини, – промямлил щенок, глядя при этом куда угодно, но не на меня.

– Правильно, лучше я о тебе как о лохматом балбесе буду думать, – буркнула я, отодвигая мальчишку плечом, чтобы пройти дальше. – Больше так не делай. Иначе превратишься в такую же тварь, как я.

Он догнал меня уже у самой двери в мою комнату, развернул и долго пристально смотрел мне в глаза, как будто хотел что-то в них разглядеть. Смешной. В глазах вампиров можно увидеть только свою смерть, сладкую и тягучую, как кровь. Но, похоже, что-то интересное щенок все же умудрился обнаружить, потому что перестал сжимать мои плечи, вздохнул тяжко, ссутулился и побрел прочь. Я лишь удивленно проводила его взглядом, а потом отправилась спать. Сутки сегодня были очень насыщенными, и я планировала проспать следующие, чтобы восстановиться.

Подсознательно я ожидала, что меня все-таки разбудят, но я действительно с наслаждением проспала оставшуюся часть ночи, весь день и проснулась ближе к утру. Вылезла из теплой кровати, умылась из кувшина над стоящим в углу тазом и только потом выглянула во двор. Во дворе было привычно пусто, хотя проблески порядка начали проявляться и там.

Спустившись, я сразу разглядела затаившегося в кустах якобы охранника. Тот, кто охранял в прошлый раз, был менее заметный. Этот только факелами не размахивал, чтобы его было легче увидеть.

Метнувшись к нему, дернула за ухо и вернулась обратно, где стояла до этого. С удовольствием полюбовалась на оскалившуюся злющую морду и пошла прогуливаться, отмечая приятные глазу изменения.

Во-первых, оборотни спилили деревья, растущие слишком близко к дорожкам. Причем, судя по тому, что даже пенечков не осталось, они где-то поймали и каким-то чудом привлекли к этому делу леших.

Во-вторых, две пристройки, те самые, которые волки решили использовать, были восстановлены: дырки в них залатаны, двери не болтались на одной петле. А еще слюдяные витражи откуда-то притащили и в пустые оконницы вставили. Конечно, «витражами» я это убожество назвала потому, что оно было сшито из множества частей, но никакой красивой картинки или специально скомбинированного разноцветия не наблюдалось. Только я все равно испытала легкий прилив гордости: нашли же где-то мастера, расплатились как-то… Надеюсь, не постельными утехами порадовали.

Ненавязчиво заглянув в обе пристройки, я недосчиталась десяти волков. Хотя щенок и Рыжая были тут, причем мальчишка, словно почуяв мое присутствие,

заерзал во сне. Интересно, это наша связь так срабатывает или у него просто на мой запах аллергия?

Убедившись, что в волчьем царстве полный порядок, даже новый член стаи спит, подпертая с двух сторон оборотнями в волчьей ипостаси, я решила навестить птенца. Хотя мне абсолютно не хотелось ни видеть его, ни слышать. Вообще, очень тянуло забыть о том, что он у меня есть. Но тогда надо было пойти и свернуть ему шею, признав, что для создания гнезда я пока еще не доросла. То есть «первый блин комом»…

Вот только зайца я на него уже потратила, имя дала, так что шею сворачивать как-то жалко. Хотя правильнее все же было прибить и сжечь, потому что оказалась не готова обращать птенцов. По вампирским меркам я была еще очень молода, мне не хватало ни силы, ни опыта. И терпения, если уж быть честной. К тому же Дориша я создала практически случайно, под влиянием эмоций. Это за щенком наблюдала четыре года, еще с тех времен, когда он жил в стае отца.

Волчонок сразу подавал большие надежды. А окончательно я определилась с выбором после того, как щенок в честной схватке один на один победил матерого волка, до этого убившего вожака стаи. Мальчишка сражался не на жизнь, а на смерть и готов был умереть, лишь бы загрызть убийцу своего отца. Совсем юный, едва достигший зрелости, еще не попробовавший свою первую волчицу, он и драться-то толком не умел, но в нем уже тогда горела фанатичная жажда справедливости.

Именно она заставила его спустя четыре года, с серебряной пулей в плече, добежать до скалы, чтобы освободить всех своих волков.

А тогда, в битве с взрослым опытным зверем, уже истекая кровью от скользящих ударов когтей, мальчишка собрал свои силы в последний отчаянный бросок и прыгнул… Только не сверху, на спину, как рассчитывал его противник, а припав на миг пузом к земле и проехав под брюхом врага, чтобы зубами и лапами разорвать ему живот.

Так что кто из нас большая тварь, еще вопрос. Но именно тогда я поняла, что хочу этого психа… В смысле хочу, чтобы он был моим оборотнем!

А птенец просто удачно выжил. Или неудачно.

Не помню, чтобы я когда-то брела по коридорам настолько медленно, изучая обветшалые стены, частью сознания прикидывая, во сколько мне обойдется ремонт замка. Может быть, будет проще его снести и отстроить заново. Паркет почти везде перестилать, потолок уже тоже посыпался.

Вроде бы всего двести лет прошло, но это же был вампирский замок, и без постоянной подпитки он умирал. Очень быстро умирал. И я трусливо пыталась полностью погрузиться в переживания о нем.

Просто разум и логика кричали: убей птенца, пока не поздно. Признай, что не получился, и убей. А какая-то недавно проснувшаяся часть меня, та самая, голубоглазая, очень напоминавшая по описанию совесть, предлагала дать парню время, чтобы оправдаться в моих собственных глазах. И эта странная новая непривычная часть раздражала примерно так же, как птенец. Не хватало еще самой с собою поругаться!

Главное, с одной стороны – двести лет жизненного опыта, а с другой – какая-то новорожденная жалостливая дуреха.

Создатель учил выпивать людей полностью, потому что укусы на трупе никто не будет пытаться объяснить, просто решат, что умерший был со странностями. А вот если выживший придет домой и обнаружит на шее следы клыков, то, скорее всего, впадет в панику. И не особо умные или особо болтливые начнут делиться с соседями и друзьями. Так что все может закончиться вымоченной в чесночном масле сеткой и костром.

Есть истины, отработанные веками. Добывать еду вдали от дома, жертву выпивать, тело прятать, в одном месте несколько раз подряд не охотиться. В одном городе – можно, но в разных районах. В одной деревне – только раз лет в пять – десять.

Или, прикинувшись драконом, запугивать жителей нескольких сел, чтобы они сами приносили тебе жертву, например девственницу. Людям же проще поверить в разумную рептилию, чем в увеличенную до огромных размеров летучую мышь!

Хорошо, что драконы на самом деле обычные крылатые ящеры и не могут нам помешать создавать им репутацию озабоченных монстров. А людям просто в голову не приходит задуматься, зачем живущей в пещере чешуйчатой сороке, большую часть времени проводящей в спячке, могут понадобиться девственницы! На самом-то деле драконы охотятся в лесах рядом со своим домом и предпочитают мясо крупных травоядных. Хотя создатель рассказывал, что как-то буквально на его глазах дракон утащил в небо медведя, который, скорее всего, уже не был девственником.

И вот как после этого относиться к людям как к разумной расе?!

Подходя к дверям нужной мне комнаты, я уже почти уговорила себя быстро оторвать Доришу голову, чтобы он не успел в дальнейшем создать головную боль мне. Причем принятое решение почему-то все равно не принесло облегчения, так что я с раздражением пнула растянувшегося в коридоре волка, якобы охраняющего свою стаю от моего птенца, а на самом деле моего птенца от окружающих его повсюду опасностей…

И только после этого заметила, что дверь в комнату открыта. И открыта она с внутренней стороны! То есть Дориш, насосавшись крови зайца, смог взломать замо?к, который несколько недель не могла выломать я?! Ладно бы дверь с петель вынес, я бы быстрее поверила! Хотя эта комната была напитана магией создателя под завязку, на века. Мог рухнуть весь за?мок, но стены, окна и решетки на них, а особенно дверь и замо?к, все равно бы сохранились!

И как тогда? Выйти отсюда мог лишь тот, кого магия создателя признает неопасным. С помощью ненависти я смогла взять под контроль свою хищную сущность, но в Дорише вообще ни капли хищного…

Я эмоционально выругалась и со злостью рыкнула уже давно проснувшемуся охраннику:

– Вожака ко мне, быстро!

Пока волк в бешеном темпе сбегал до пристроек и вернулся вместе со щенком, я вычислила, где примерно находится мой птенец, заодно призвала его обратно. Правда, этот скорбящий попытался сопротивляться. Сопротивляться зову создателя!

Да я буду откручивать ему голову медленно, миллиметр за миллиметром… Я ему руки и ноги вырву! Я… уф, убью, оживлю, снова убью… Я ему адову боль устрою! В зомби превращу!

– Что, проголодался и сбежал охотиться на зайцев?

Мальчишка, стараясь не глядеть мне в глаза, попытался пошутить, но, ощутив, как искрит в воздухе от моего гнева, заткнулся. Подняв голову, он с вызовом уставился на меня, напряженный, как перед боем. Только оскалиться пока не рискнул.

– Это мой волк!

Угу, почуял, что я собираюсь свернуть лохматой разине шею, потому что мой настрой убивать никуда не делся, только усилился! Птенца под рукой нет, щенка жалко, остается только этот ротозей!

– Мелкий кровосос сбежал от тебя, а ты собралась сорвать злость на моем волке?! – в голосе щенка отчетливо звучало раздражение. И презрение. Если не ко мне, то к моему птенцу: – Мы вернем тебе твоего нытика. Вот с ним делай, что хочешь, – теперь, говоря со мной со злой требовательностью, мальчишка буквально ослеплял меня своими голубыми лазерами. Застыв, мы пронзали друг друга взглядами, как ножами.

А потом я, быстрее чем за секунду, метнулась вперед, схватила за шкирку причину нашей ссоры, так и не сменившую ипостась, и подняла вверх, легко, словно он ничего не весил.

– Отпусти! – Щенок, оскалившись, зарычал и тоже обернулся, приготовившись к прыжку и, уверена, уже не думая о том, что сам умрет после моей смерти или его убью я, если выживу. Вторая псина захрипела и попыталась извернуться и вырваться…

Я медлила, ужасно медлила для вампира, причем сама понимала это. Вот для оборотней все происходило слишком быстро. Мгновение – и я стою не перед ними, а сзади, держа на вытянутой руке одного из них, между прочим довольно крупного волка. Еще мгновение – и волк начинает хрипеть, потому что другой

рукой я сдавливаю ему шею, пока его вожак готовится на меня напасть.

Но тут мальчишка опять сменил облик и опустился передо мной на колени, глядя при этом в пол. Наверное, чтобы я не заметила его злющего ненавидящего взгляда.

– Отпусти, он больше тебя не подведет… Обещаю!

– Он растяпа, ты найдешь себе лучше. – Я с силой тряхнула второго оборотня, протыкая когтем кожу у него на загривке. Чтобы получить власть над телом, вампиру нужно смотреть или в глаза жертве, или на рану, из которой течет кровь. Последний вариант мы используем реже, он требует особой выдержки. Но в этот раз у меня получилось. Псина расслабленно повисла, перестав сопротивляться.

– Это твой птенец беспомощный слабак! – Мальчишка все же решился посмотреть мне в глаза. Как я и предполагала, они сверкали от гнева. – А мы с Джо вместе три года, и он ни разу меня не подвел. Отпусти моего волка… пожалуйста! – последнее слово он произнес вроде бы с просящей, но одновременно с очень настойчивой интонацией.

– Один раз уже подвел, – процедила я.

Внутри меня все буквально бурлило от раздражения. Главное, выплеснуть его было не на кого! Если подумать, то этот… Джо… не так уж и виноват. Любой принявший свою силу вампир в состоянии прокрасться мимо оборотня. Мы можем быть быстрыми и бесшумными.

– Цени, шавка, как вожак ради тебя унижается. – Я с презрением отшвырнула от себя лохматого раззяву. – Ладно, тащите сюда птенца… – Пафосно махнув рукой, как королева, отдающая приказ своим вассалам, я дождалась, пока эти двое убегут прочь, и сразу же помчалась к Доришу. Мне не надо было его разыскивать и вынюхивать. Я четко знала, где именно он находится.

Просто первый доставшийся мне мальчишка выполнял приказы, пусть и капризничая при этом. Тогда как второй, тот, который должен был слушаться вообще беспрекословно, каким-то чудом умудрялся сопротивляться моему зову.

Ясно, что обязательно нужно его сломить, заставить подчиниться. Только очень важно не перестараться. Дориш сумел открыть дверь, выбраться наружу, прокрасться мимо оборотня, почти добраться до ближайшего села, надеюсь, чтобы перекусить… И теперь еще противостоит моей воле, воле его создателя! Так что ломать такое чудо следовало с ювелирной осторожностью, чтобы не повредить ничего нужного.

Глава 7

Дориш стоял на берегу узенькой, но очень глубокой реки и любовался на свое отражение. Не знаю уж, какой тупица придумал, что вампиры не могут видеть себя в зеркальных поверхностях… Это наглая ложь.

Вот насчет дневного света не врали: большинство обгорало практически сразу. Нет, конечно, не до смерти, а до отвратительно-помидорного красного цвета. А если продолжали упорно торчать на солнце и дальше, тогда с них постепенно начинала слезать кожа. Затем обгорало мясо, причем, учитывая, что мы и так уже были немного мертвы, вместо стейка средней прожарки сразу получалась очень неаппетитная густая кашица, плавно стекающая по костям, которые в конце концов вспыхивали и превращались в уголечки.

Но у нашей ветви был дар противостоять солнечным лучам. Именно поэтому Дориш до сих пор был еще жив.

Присев на макушку ближайшего дерева, я принялась наблюдать за одним непослушным мальчишкой и поджидать второго. Спасать птенца, если он попробует утопиться, у меня в планах не было. Пусть бродит по дну реки, сколько ему влезет. Вдруг ему после заячьей крови рыбьей попить захотелось, ради разнообразия.

Вот только, судя по задумчивому виду, Дориш понимал, что утонуть у него не получится. Или уже успел попробовать, а потом обсохнуть, если давно здесь стоит.

Летела я сюда с намерением его прибить, желательно сразу. Только когда увидела – передумала.

Вот сидит он, потенциально более сильный, смотрит в воду, думает о чем-то. И тут на него сверху падаю я, залепляю по и так дурной голове подзатыльник, потом еще, может быть, придушу с воспитательной целью, но он же не поймет ничего.

Явно или самоубиться, или пострадать пришел. Вместо того чтобы, как и положено хищнику, бежать охотиться, благо до деревни с вкусной едой рукой подать, стоит и реку гипнотизирует.

– Рыбы, рыбы, рыбы, рыбы… – тихо пропищала я, повиснув на ветке вниз головой так, чтобы максимально спрятаться в зелени листьев.

На самом деле по лесу бежали не рыбы, а волки. Пятеро. Самок среди них не было, и, судя по злым мордам, мальчики собирались вернуть мне моего птенца немного ощипанным.

Дориш тоже почуял их приближение раньше, чем увидел и даже услышал. Повернувшись лицом к лесу и вытянув шею, он полминуты оглядывался, выискивая опасность, напряженный и сгруппировавшийся. Жажда жизни и хищная натура вампира взяли верх, возможно временно, неважно. Но мой птенец явно собирался драться, а не подставлять шею под укус.

Вышедшие из леса оборотни медленно окружали Дориша. Причем двое, наступая шаг за шагом, попытались с рыком отогнать его подальше от берега, но мальчишка одним неуловимым движением отшвырнул первого из псов и оскалился на второго, продемонстрировав острые, чуть выступающие клыки. Птенца скручивало от голода так, что у него даже зубы начали выдвигаться!..

Это тоже одна из людских страшилок, что мы все время бегаем с крупными и выступающими над ровным зубным рядом клыками. Вот уж редкий бред… Хотя раньше была такая раса – орки, у них выступали вверх клыки на нижней челюсти. Даже думать не хочу, как эти несчастные жили, ели, пили и что у них было с губами. У вампиров все устроено так, чтобы нам было удобно. Хотим драки или крови – клыки увеличиваются, расширяясь и удлиняясь. Насытились – клыки снова уменьшаются, сравниваясь по размерам с остальными зубами.

Правда, оставаясь при этом острыми, как когти, которые у нас тоже выдвигаются и задвигаются, как у кошек.

Дориш был готов к драке, вооружившись и когтями, и клыками. Но пока никто не нападал. Оборотни скалились и негромко рычали, припав к земле. Мой птенец, слегка согнувшись, крутил головой, выжидая, хотя мог бы уже поубивать здесь всех, включая щенка. Моего щенка.

Я уже приготовилась слететь вниз и объявить о перемирии, как вдруг оборотни набросились на птенца, все разом, одновременно, без какого-то предупреждающего знака или рыка. А дальше началась такая мешанина из тел, что даже мой острый взгляд оказался не в состоянии разглядеть все происходящие. Оборотни постоянно меняли ипостаси, птенец мелькал на вампирской скорости, раскидывая противников в разные стороны. Рычание, клацание зубов, удары лап, скрежет когтей обо что-то твердое… Кровь, шерсть… Хрипы, ругань… Уф, адское веселье!

На всякий случай я через нашу связь добавила щенку способностей – и быстроты, и силы, и живучести побольше. В конце концов, если мой птенец не справится с пятью оборотнями, грош ему цена. А стая должна научиться сражаться с вампирами – пригодится.

Правда, судя по драке, у оборотней уже был опыт, а вот птенец, возможно, дрался впервые. Вообще впервые. И в этой, и в прошлой жизни. Зато от души, без всякой жалости, не задумываясь… Но при этом именно дрался, а не убивал. Хотя мог бы открутить настырным волкам головы, всем по очереди. Правда, те тоже не убивали, хотя могли разорвать Дориша на части. Короче, мальчики снимали стресс, все разом. Тот же Джо, которому уже наверняка досталось от вожака за растяпство по самые уши. Или, наоборот, не досталось, что тоже вероятно, и его теперь скручивало от чувства вины. А тут такая хорошая потасовка, в которой можно оторваться, разогнав все печали чужими лапами.

У моего птенца любовь несчастная… Меня буквально перекривило, едва я только это слово ругательное в голове подумала. Но, может, за счет этого у него сила так и разрослась? На эмоциональном скачке? Ведь любовь-то не просто несчастная! Она же ушла от него к оборотням. Причем оба ее избранника, те, в обнимку с которыми девушка спала ночью, тоже были здесь. Правда, к счастью, Дориш об этом не подозревал.

И тут эта… не к ночи помянутая… вылетела из леса и как завизжит! Я чуть с ветки не свалилась! Хорошо, что я тут мышью летучей зависла, а не в человеческом облике. Мне сейчас такие высокие ноты перенести легче. А вот куча мала из волков и Дориша сразу распалась на отдельные элементы. Оглушенные и озадаченные.

Но девушка ничего никому объяснять не стала, а гордо развернулась и пошла прочь. Оба волка, по-моему, учитывая их сходство, братья, переглянувшись с вожаком, направились следом. Правда, мой птенец, всех опередив, оказался на пути странной красотки… Как там ее… Эль! И, как последний придурок упав на колени, пополз ей навстречу. Тьфу ты, стыдобища!

Волки были со мной согласны, их прямо сморщило всех от отвращения. И девушка тоже скривилась презрительно.

– Эль!

– Да не позорься ты! – Щенок, не выдержав, даже ипостась сменил, чтобы высказать идиоту все, что он думает. – Зачем лезть к женщине, которая тебя не хочет?!

Ну надо же, какие мы умные и независимые. И никогда ничего подобного не делаем… Моя же ты прелесть лохматая! Ну что, псина, сам напросился! Проверим, насколько ты у меня умеешь прислушиваться к собственным советам.

– Все, пошли в замок, придурок! Тебя твоя хозяйка ищет…

Угу, тоже хорошо сказано. Не «наша», не «моя», а «твоя». Мило. Поиграем, мальчик! Ух, как мы поиграем! Жаль, времени на все это мало…

Само собой, когда Дориша под волчьим конвоем привели к замку, я уже была там, злющая и якобы ничего не подозревающая. Ни об Эль, ни о драке, ни о том, что я хозяйка птенца, а волк у меня свободный, сильный и независимый. И я была очень озадачена тем, что меня это неожиданно сильно задело.

– Ты слышал мой зов? – Внешне я казалась спокойной и безмятежной, как гадюка перед прыжком. Хотя щенок, знающий меня чуть лучше, чем Дориш, очень

незаметно попятился, отпинывая задом всех остальных оборотней.

– Я сопротивлялся всем голосам в моей голове, – поставил меня в известность мой собственный птенец, при этом в его взгляде ярко светились гордость и уверенность в своей правоте. – И пусть я переполнен соблазнами, – Дориш с вызовом посмотрел мне в глаза, – но буду противостоять им, пока мне хватит сил.

– Ты можешь противостоять всему, что там в твоей дурной башке происходит, особенно тяге к этой недоеденной собачьей подстилке. – Я продолжала излучать умиротворяющее благодушие, вот только щенок аккуратно отступил назад еще шагов на пять-семь.

Вокруг нас образовалась красивая такая, напряженно-звенящая пустота. Даже собачья подстилка, передернув плечиком, скрылась в направлении обжитых оборотнями пристроек. Туда же потихоньку отползали остальные волки. Зато зачем-то притащилась Рыжая. Причем не ушла даже после того, как ее вожак на нее нарычал. Похоже, сегодня бунт не только в моей стае.

– Ты можешь питаться одними зайцами и продолжать подставлять волков, у которых со временем просто не останется выхода, и им придется тебя загрызть, чтобы не терять членов стаи одного за другим.

Дориш недоумевающе заморгал на меня, так что пришлось пояснить:

– Каждый раз, когда ты будешь убегать от своего охранника, я буду его наказывать. Потому что ты – новорожденный вампир, который не должен гулять без присмотра где вздумается. И я, как твой создатель, отвечаю за все, что ты сотворишь. Если ты устроишь резню в ближайшем селении, это будет моя вина. Но я не могу оберегать тебя от других и других от тебя все время, иногда мне нужен отдых. А оборотни любят людей и ненавидят таких, как мы. Так что волк, позволивший тебе сбежать, виноват перед своим вожаком, который ему поверил, передо мной, поверившей его вожаку, перед людьми, которые могли бы пострадать, если бы ты добрался до деревни…

Растяпа после моих последних слов тихо заскулил, виновато поглядывая на щенка. Зато тот смотрел только на меня, и в его взгляде отчетливо плескалось раздражение. Как будто я говорю что-то неправильное. Ясное дело, за псину

своего переживает, который действительно виноват, куда не плюнь.

– А теперь мы будем учиться слушать голоса и выделять мой зов, – объявила я и, схватив Дориша, со свистом испарилась, а если точнее, быстро домчалась в подземелье.

Швырнув притихшего и явно напуганного птенца в угол, я огляделась, разыскивая прибитые к стене цепи. Создатель никогда нас не наказывал, по крайней мере друг перед другом. Хотя я бы все равно почувствовала, если кому-то из гнезда было бы больно… Вот только я появилась самой последней, а кто знает, как оно все проходило до меня? Место для наказания было, и девчонки как-то раз показали мне его, поеживаясь при этом от ужаса.

Подтащив сопротивляющегося питомца к цепям, я быстро приковала его и только потом повернулась, чтобы встретиться взглядом со щенком, спустившимся сюда уже в человеческом облике.

– Поговорить захотелось? – ехидно уточнила я, снова разворачиваясь к волчонку спиной и с интересом наблюдая, как Дориш пытается вырваться, разорвав железо, насквозь пропитанное магией создателя. А может быть, даже создателя создателя.

– Я не против, – усмехнувшись, я покосилась на уже стоявшего рядом со мной мальчишку. Он тоже смотрел, как мой птенец практически молча, если не считать зубовного скрежета и странных полурыков-полустонов из-за прикладываемых усилий, пытается освободиться. – Говори, раз пришел! – Резко повернувшись, я уставилась в голубой омут и утонула в нем на пару секунд. – Или ты помочь хочешь? Помочь убить неуправляемого опасного вампира?

Щенок едва заметно помотал головой, потом положил ладони мне на плечи и, глядя мне в глаза, спросил:

– Ты хоть понимаешь, что делаешь? Или просто злость сорвать собралась?

– Понимаю! – огрызнулась я, поворачиваясь к Доришу, и приказала: – Расслабься и слушай! Слушай голоса… Вырваться из цепей у тебя не получится. А я тебя не выпущу, пока ты не научишься слышать мой зов.

Оба парня уставились на меня со злым осуждением, причем щенок больше осуждал, а птенец злился. Придурки!

– Я не буду заставлять тебя стать моей послушной марионеткой, хотя легко смогла бы это сделать!

На самом деле мне просто не нужна была безмозглая покорная кукла, которую еще и кормить придется, грубо говоря, из ложечки, ну или из клювика. А убивать потенциально сильного вампира сейчас, когда я готовлюсь развязать маленькую межклановую войну, – глупая трата ресурсов.

Мне нужен был послушный разумный птенец, и я смогла бы легко добиться этого, сломав упрямый характер этого мальчишки. Ладно, легко и просто не вышло бы, пришлось бы попотеть, но сломала бы! Только зачем мне поломанная игрушка? К тому же у меня уже есть прекрасный опыт. Сначала связываем, потом приручаем, потом постепенно ослабляем веревки… И у меня в наличии ручной волк, который иногда пытается скалить зубы.

– Ты. Должен. Научиться. Слышать. Мой голос, – медленно, с паузами после каждого слова, произнесла я, подойдя к Доришу вплотную и глядя в его злые глаза пока еще обычного карего цвета. Хотя вокруг зрачка уже появилась тонкая, едва заметная краснота. А ведь птенец даже еще не поел полноценно ни разу!

– Ты должен вычленять мой голос из любого шума, рядом или внутри твоей тупой головы, – повторила я уже другими словами. – Потому что от этого будет зависеть жизнь. Иногда твоя, иногда – чужая.

О том, что иногда речь будет идти о моей собственной жизни, я уточнять не стала. Топтаться надо на слабостях. И по-моему, Дориш не очень осознает, что его собственная жизнь для него так же бесценна, как и чужие. Это щенок у меня псина без чувства самосохранения.

– Мой голос может остановить тебя от непоправимых глупостей, направить на нужный путь, дать совет… Ты можешь призвать меня на помощь, в конце концов!

– Мне не нужна твоя помощь, проклятая нежить, – дерзко выкрикнул мой первенец мне в лицо и тут же зажмурился, ожидая удара. М-да… Зря я его со щенком сравниваю постоянно. Хотя с оборотнями он сражался храбро и безрассудно. Или тогда у него вместо крови адреналин тек по венам? Было не так страшно…

– На себя посмотри, – усмехнулась я, прежде чем оправдать свою репутацию злой и бессердечной твари, пусть и не совсем так, как от меня ожидалось.

Найти валяющийся у замка гибкий прут – секундное дело, метнуться из подземелья и обратно – еще секунда. Так что мальчики без меня даже заскучать не успели.

– Начнем с самого важного. – Я со свистом рассекла веткой воздух и кривовато улыбнулась. – С воспитания. – Прут еще раз рассек воздух, только потом не допел свою песню до конца, а замолчал чуть раньше, оставив на груди прикованного к стене парня ярко-алую полоску. Птенец, зажмурившийся, едва понял, что ветка приближается к его телу, выдохнул сквозь зубы и приоткрыл глаза.

– Ну что, поиграем? – Я убедилась, что Дориш действительно боится боли, а значит, и смерти тоже. Потому что они всегда ходят рядом, смерть и боль… Значит, нам нужен адреналин.

Цепи были длинные, чтобы ими можно было и приковывать к стене, и просто удерживать, как на поводке. Они, конечно, ощутимо замедляли движение, но мне и не нужна была честная драка. К тому же я тоже не собиралась сражаться в полную силу. Мне надо было красиво победить птенца, чтобы он осознал, насколько без меня слаб и беспомощен. Заодно оценить потенциал и угрозу от этого трусливого моралиста.

Конечно, с гораздо большим удовольствием я бы просто исхлестала этого идиота, но толку от этого не было бы никакого. Я же должна была дать понять, что сильнее, выше, чаще, дальше, хотя, конечно, тварь и мразь. Так что честной игры от меня ожидать бесполезно.

Едва цепи ослабли, Дориш с рыком кинулся на меня и попытался завалить, я же уворачивалась, отпрыгивала, металась по подземелью и лупила его прутом,

гоняя остатки крови по венам. Это была довольно опасная забава, потому что вампир хоть что-то соображает, пока его мозг насыщен кровью. А крови у нас в теле ограниченное количество. Очень ограниченное. Особенно у того, кто плохо кушал и создателя не слушал…

И каждый удар прута ослаблял разум моего птенца, позволяя выбраться на волю соблазнам-инстинктам.

– Проваливай отсюда. – Материализовавшись перед щенком, а на самом деле быстро добежав до него из дальнего угла подземелья, я с силой толкнула мальчишку к лестнице. – Он скоро обезумеет от голода. А ты – еда. Так что давай, проваливай!

– И что ты с ним собираешься делать? – Проваливать щенок не хотел, поэтому я, пробежавшись по подземелью несколько раз туда и обратно, заодно лупцуя Дориша веткой, вернулась к мальчишке.

– Вырубить, а потом подкинуть ему что-нибудь попроще, чем оборотень.

– Человека, например? – мрачно поинтересовался щенок, ослепляя меня синевой своих глаз.

– Да! Он должен пить человеческую кровь, нравится тебе это или нет! Чтоб на тебя олений пацифист напал… Ты же не только травой питаешься?! Проваливай, я не хочу, чтобы ты пострадал!

Вот мне сейчас только длинные заумные речи ручному зверю толкать, пока я пытаюсь довести своего птенца до озверения! Причем Дориш действительно оказался и сильным, и ловким, и хитрым, и инстинкты у него срабатывали безотказно. Уворачивался, нападал и сражался он как опытный хищник.

Просто этого хищника сначала надо было как следует раздразнить. И главное, потом ворон не считать, когда он уже дошел до нужной стадии. А разговоры со щенком меня очень отвлекали…

Мало этого, едва Дориш со всей силы ударил меня по груди и мои кости противно затрещали, ломаясь и протыкая внутренности, как этот… этот…

лохматый недоумок… кинулся на моего птенца!

Глава 8

Больно было адски, как будто по мне стадо оленей пробежало, протыкая все тело своими копытами. Драться в таком состоянии мне еще ни разу не приходилось и как-то не сильно тянуло попробовать. Поэтому я затихла в углу и восстанавливалась, задействовав внутренний запас магической силы, пока внешний выигрывал мне время. Если щенок не сможет продержаться в битве с новорожденным вампиром даже пару секунд, требующихся мне для выправления и сращивания костей, значит, его ценность сильно преувеличена.

Но волчонок справился. Он дрался отчаянно, зло и как будто в последний раз, причем у него словно открылся третий глаз, умеющий видеть или предсказывать, куда ударит Дориш. Конечно, ему не хватало скорости моего птенца, так что развлечение вряд ли бы затянулось надолго, но я не собиралась дожидаться, пока один дурной мальчишка угробит второго.

Едва мой скелет восстановился, я, не дожидаясь, пока боль во всем теле утихнет, подлетела к щенку, схватила его за шкирку и отшвырнула на лестницу, сразу ступеней на двадцать вверх. Он возмущенно зарычал и попытался сбежать вниз, но тут озверевший до нужной стадии Дориш набросился на меня.

Довольно засмеявшись, я принялась душить собственного птенца, а тот, вырвавшись, прокусил мне руку. Мы рвали тело друг друга когтями и клыками, рыча как дикие звери. Все происходило очень стремительно. Взгляд оборотня просто не успевал уловить наше перемещение.

Дориш полностью доверился хищным инстинктам, несмотря на первую серьезную драку в своей новой жизни. Справлялся он так идеально, что где-то в подсознании, лупя его кулаком в челюсть, а потом вцепившись зубами, отгрызая ухо и одновременно выдавливая сразу двумя пальцами правый глаз, я даже немного гордилась этим придурком.

Но при этом птенец продолжал игнорировать меня, хотя мой голос звучал у него в голове постоянно. Я не замолкала ни на мгновение, взывая к нему мысленно. И каким-то чудом он умудрялся противостоять мне! Выбранный наудачу тестовый образец, готовый ползать на коленях перед девицей, которой на него наплевать…

Конечно, я до сих пор сражалась не в полную силу, но при этом буквально орала в его тупом безмозглом черепе! И главное, жажда крови давно уже должна была его скрутить, заставляя подчиниться если не мне, то ей. А я должна была ее опередить. Должна была подчинить Дориша себе до того, как он обезумеет и превратится в опасного голодного монстра.

Уворачиваясь от ударов, я умудрялась не только взывать к разуму птенца, но и анализировать его состояние, стараясь подбирать нужные фразы. Мне казалось, что орать: «Покорись мне!», «Я твой создатель!», «На колени, мразь!» – было слишком тупо. В книгах советовали сосредоточиться не на смысле фраз, а на властной интонации, с которой их следовало произносить в чужой голове. Но наш создатель говорил с нами, причем взывал к каждому, подбирая именно те слова, которые мы готовы были услышать. Мы были самыми счастливыми, самыми свободными и самыми послушными птенцами! Мы боготворили своего создателя, но не боялись его, а уважали… Безмерно уважали. Мы бы умерли ради него. Однако в итоге он умер из-за нас, вместе с нами.

Странно, но в этот раз воспоминания не ослабили, а, наоборот, усилили мою концентрацию, так что я сумела дотянуться до валяющегося неподалеку прута, успела хлестануть им Дориша по ногам раз так десять и, извернувшись, переместилась в угол, наблюдая, как во взгляде птенца окончательно исчезают остатки разума, сменяясь инстинктами. В последние мгновения я подкралась к нему сзади и нанесла удар по затылку, проламывая череп.

Уф-ф-ф…

Да, щенок прыгнул вовремя, сразу с лестницы, как можно выше, чтобы ударить по Доришу всеми четырьмя лапами и опрокинуть врага на пол, используя собственный вес и ускорение во время прыжка. После этого я снова ударила…

И лишь убедившись, что птенец отключился, освободила его от цепей, обернулась мышью, подхватила его в лапы и вылетела прочь. Непослушного

помощника я поблагодарю потом. Сначала наору, наверное, за то, что дважды ослушался. Или не буду, бесполезно же…

Я притащила Дориша в небольшой городок, не его родной, но очень похожий. Швырнула как поломанную игрушку в подворотне и полетела добывать корм. Здесь тоже были шлюхи, прогуливающиеся парочками по вечерним улицам в ожидании клиентов. Но когда первую забирали, вторая на какое-то время оставалась одна… А Дориш, похоже, любит продажных девок.

Я наловила ему сразу троих, потому что часть крови тело переработает в магию и потратит на восстановление. Но птенец пришел в себя еще на первой, отшвырнул недоеденную проститутку и… разрыдался. Придурок! Желание свернуть ему шею, чтобы не мучился, я подавила с большим трудом. После чего спокойно подпихнула вторую и показала, что первая жива, а потом стерла ей воспоминания и отпустила. Дориш внимательно следил за мной, а потом… потом инстинкты все же сумели сдвинуть в сторону часть принципов. Особенно после того, как я продемонстрировала ему в зеркало чудище, на которое он пока что был похож. Выдавленный глаз, порванный рот, оторванное ухо, дырки в черепе, рваные раны от когтей, моих и волчонка…

– Если ты до обращения ел мясо, значит, нечего строить из себя идиота, – рыкнула я на страдальца, когда тот попытался отодвинуть вторую шлюху после трех-четырех глотков. – Если тебе так нужны принципы, связанные с едой, задумайся о курах, свиньях и коровах, а также других животных, мясо которых ты ел, пока был человеком. Их убивали, чтобы ты был сыт! А эту… – Я потормошила девицу, пребывающую благодаря мне в непрекращающемся экстазе. – Эту дрянь ты можешь не доедать до конца. Конечно, это противоречит всем вампирским правилам, нарушает нормы безопасности, и вообще, ужасно негигиенично – оставлять пищу на тарелке…

Из всего сказанного мной Дориш уловил только то, что «дрянь можно не доедать». Но из-за его принципов мне пришлось слетать и притащить еще трех шлюх, чтобы он умудрился и восстановиться, и насытиться. Зато чистить им память и туманить мозги я отказалась, так что принципиальному придурку пришлось попыхтеть самому. Да, в первый раз вышло криво, особенно с удалением воспоминаний. Мне пришлось дочищать и подправлять, поэтому, вполне вероятно, у девицы в голове вообще теперь полный вакуум, но зато со второй вышло намного лучше, а с третьей совсем хорошо. Я даже не стала ничего корректировать. Конечно, не идеально… Но, вспомнив о создателе,

вместо того чтобы потыкать носом в ошибки, я отметила успехи… и Дориш даже улыбнулся.

Он учился, учился с удовольствием, так что хорошая порка, затем драка и два удара по черепу иногда могут вразумить даже потенциально неразумного. Обсуждать с ним Эль я пока не стала. Это не так уж срочно. Сегодня у нас и так произошел грандиозный прорыв во взаимоотношениях.

Обращение в летучую мышь Дориш освоил с первого раза – или потому, что такой гениальный, или потому, что я так подробно объяснила. Неважно. Я адски устала и хотела спать, но мне надо было еще успеть поохотиться самой, чтобы восстановить внутренний магический запас. Но делать это в присутствии нестабильного на голову птенца я не собиралась. Он и так молодец. Доверился и мне, и инстинктам. Ему уже не грозило голодное безумие, ведь он выбрал свой тип охоты, позволяющий не нарушать его странные принципы. Теперь осталось удержаться в ладу с самим собой как можно дольше, чтобы это состояние закрепилось. Не буду же я каждые два-три дня гонять прутом до изнеможения и уродовать так, что без слез не взглянешь? Да и череп регулярно проламывать не очень полезно: вдруг оттуда выпадет что-нибудь нужное?

Так что мы долетели до замка и я дождалась, пока птенец уснет, свернувшись калачиком на моей старой кровати. Только одеялко поправлять не стала, а так прямо заботливая мамочка, а не создатель!..

Волчонок все это время лежал в коридоре, возле захлопнувшейся перед его носом двери. Он заметил, как мы подлетаем, отследил нас и демонстративно медленно улегся, с вызовом глядя на меня и всем своим видом намекая, что мне придется вместо нормального сытного ужина сначала закатить воспитательный процесс еще одному мальчишке, а потом перекусить им же, стараясь не выпить нахала досуха. Подсознательно я очень надеялась, что щенок устанет ждать и убежит по своим делам. Должны же быть поздним вечером у вожака стаи какие-то неотложные дела?! Но нет… не повезло. Выведение меня из себя для щенка являлось главной задачей. Приоритетнее всех остальных. Так что он дождался, когда я выйду из комнаты Дориша, лениво перетек из звериной ипостаси в человеческую, оглядел меня от головы до ног с задумчивым таким снисхождением и заботливым тоном предложил:

– Ты, если в следующий раз самоубиться захочешь, просто попроси, я тебя нежно загрызу, пара укусов – и ты труп.

– Только не забудь, что и ты тоже, – ласково проворковала я, глядя мальчишке прямо в глаза. Этот паршивец совершенно разучился отводить взгляд в сторону!

– М-да? А ты об этом помнила, развлекаясь со своим плаксивым недоумком? Я бы даже за тебя отомстить не успел, если бы ты сегодня сдохла у меня на глазах! Сука психованная…

И, решив, что раз он выговорился, то наш разговор закончен, щенок развернулся и направился к лестнице вниз, на первый этаж. Однако его поджидал сюрприз. Я. Неожиданно возникшая на его пути и со всей силы толкнувшая его в плечи, так что он едва не упал.

– Суки ваши самки, – повторила я уже не в первый раз. А потом, размазав мальчишку по стене, впилась клыками ему в шею, безо всякого разогрева. И так вкусно…

Непонятно почему, но совершенно невозбужденный, просто злющий до бешенства в глазах волчонок был вкуснее всех! Вкуснее даже самого себя несколько дней назад… Я с трудом заставила себя оторваться. Вытерев рот рукой, уставилась в ослепительно голубые глаза, чуть затуманенные, но все равно сверкающие от гнева. Мальчишка явно собирался сказать очередную гадость, но внезапно побелел и плавно сполз по стенке на пол. Похоже, я все же слегка перестаралась…

Удивляясь самой себе, я подхватила щенка на руки и быстро перенесла к себе в комнату, вместо того чтобы бросить валяться в коридоре. Мало того, я его вообще к себе на кровать скинула, а не на коврик рядом. Хмуро оглядев это чудо, взяла и раздела его, полностью, чтобы не пачкал мне белье своими грязными тряпками! А потом скинула платье и в одной ночной сорочке улеглась рядом, закутавшись в теплое одеялко. На мальчишку я небрежно накинула покрывало: ему хватит. Оборотень он или кто, в конце-то концов?!

Вот только утром я проснулась оттого, что эта наглая псина пробралась ко мне под одеяло и попыталась меня обнять! И это он Дориша недоумком обзывает, а себя за умного держит. Только с нулевым чувством самосохранения.

Надо же было додуматься! Пристроился к спящему вампиру, да еще и прижал к себе так, чтобы я как раз лицом в его венку на шее уткнулась. А там – ранка, уже почти зажившая, но все равно до сих пор аппетитно пахнущая кровью. Я резко подняла голову и оценила вид всего спящего тела целиком.

Похоже, щенку или эротические сны ночью снились, или ему так со мной обниматься понравилось. Только сам он еще спал, а вот член уже стоял – надежно, как скала.

– Не ерзай! Ты должна спокойно лежать, сложив руки на груди, а не одеяло с меня стаскивать! Чего ты там нового увидеть хочешь? Стояк утренний?

Мальчишка, широко распахнув глаза, уставился на меня, насмешливо улыбаясь. И пока я отвлеклась, вновь принюхиваясь к его шее, притянул меня к себе и попытался поцеловать. Само собой, порезался о клыки, придурок… Так что пришлось зализывать языком его губы, и это… это было очень аппетитно. У меня даже в голове слегка помутилось, и у щенка, по-моему, тоже, потому что он извернулся так, чтобы я оказалась лежащей на спине, а затем задрал мне сорочку и полез… туда, куда псинам лезть не полагается!

– Спятил? Мне возбуждаться нельзя, придурок! Вот так, как у вас, многокровных, принято, нельзя, запомни!

Я от злости дернула мальчишку за волосы так, что у него от боли слезы на глазах выступили. Он даже зарычал, то ли от злости, то ли от разочарования. И возмущенно засверкал на меня темнеющей голубизной глаз.

Я несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, успокаиваясь, потом улеглась сверху на злющего возбужденного волчонка, лизнула венку у него на шее и только потом решила, что готова объяснить все более-менее доступно.

– Собственной крови в нас мало. В приоритете – мозг. Когда вампир теряет способность нормально мыслить – это последняя стадия голода. – Сделав небольшую паузу, я посмотрела на мальчишку.

Он внимательно слушал, приобняв меня одной рукой за талию. Плотно сжатые губы и четко очерченные скулы намекали, что мой щенок напряжен и немного нервничает. Странно, но я тоже нервничала, потому что последний раз на такую

интимную тему говорила с Августой. Она как раз объясняла мне, что теперь, в нашей новой жизни, есть не только плюсы, но и немного минусов.

– Поэтому я и лупила Дориша прутом, заставляя кровь устремляться к месту удара. И так как он голодал до этого, крови в его теле было мало, разум ослаб и инстинкты взяли верх…

– Но ты-то не голодаешь, – со злостью процедил мальчишка и, противореча ярко выраженному и взглядом, и интонацией раздражению, еще крепче прижал меня к себе.

– Да, но и ты не собираешься просто поцарапать мне ногу или стукнуть по руке. Разум обязательно ослабнет, и тогда… тогда я просто тебя выпью. Вот и все… Не хочу променять тебя на свой оргазм, ты мне дороже, – последнюю фразу я произнесла со смешком, старательно делая вид, что шучу. – Мне вполне хватает твоего…

– Это нечестно! – Щенок, резко спихнув меня с себя, соскочил с кровати и забегал по комнате. Похоже, односторонний секс никак не укладывался в его картину мира. Пришлось тоже вылезать из теплой постели и отлавливать волчонка, искренне возмущенного такой неожиданной несправедливостью. Я сама первое время была слегка расстроена, пока не обнаружила, что пить чужой оргазм почти так же приятно, как испытывать его самой. Именно это я и попыталась объяснить мальчишке.

– Меня все устраивает. Мне приятно, я ощущаю, как бурлит твоя кровь, чувствую, как нагревается и извивается у меня в руках твое тело, вижу, как туманится твой взгляд, слышу, как меняется твое дыхание. Мой разум наслаждается и рассылает волны удовольствия по моему телу…

Я совершенно не планировала устраивать просветительскую лекцию для оборотня о сексуальной жизни вампиров, но увлеклась, особенно когда заметила, что меня очень внимательно слушают.

– То есть… чем лучше мне, тем лучше тебе? – уточнил волчонок, быстро уловив в моих словах суть.

– Да, именно так! – Я, не оборачиваясь, упала спиной на кровать, раскинув руки, зажмурилась и с наслаждением облизнулась. – Каждый твой оргазм для меня как лакомство.

– Тогда зачем ты таскаешься за другими мужчинами?

Распахнув глаза, я уставилась на мальчишку, пытаясь понять, что это вот сейчас было. Забота о людях или… ревность?!

Глава 9

– Потому что мне надо питаться постоянно, каждый день, и если я буду выпивать из тебя ежедневно, то через месяц от тебя лишь тень останется! – попыталась я донести здравую мысль до упертого придурка. Придурок упрямо посмотрел на меня и отвернулся, мрачно сверля взглядом потолок. Потом в его мозгу опять произошел какой-то сложный химический процесс, после которого он недовольно процедил:

– Тогда я заведу себе постоянную самку.

– Замечательная идея, – искренне согласилась я. Щенок только не подпрыгнул от возмущения! И, судя по тому, как он резко прекратил меня обнимать и попытался отодвинуться, за постоянной самкой он собрался буквально вот сейчас, сразу, немедленно.

– Главное, не ревнивую найди. Потому что я же иногда буду от тебя питаться.

Уж не знаю, что там мальчишка себе надумал и как с его стороны выглядели наши отношения. Я вообще удивлена, что он какие-то отношения умудрился себе придумать, учитывая, что большую часть времени мы ругаемся. Но после моих последних слов он подскочил с кровати как укушенный, быстро запрыгнул в штаны и вылетел из комнаты.

Я лишь хмыкнула ему вслед, потом встала, умылась, оделась и отправилась навестить своего птенца. Было ужасно интересно, закрепилась ли у него планка

нормальности на том же уровне, на котором мы вчера расстались, или опять поползет вниз.

Дориш, как послушный мальчик, ждал меня в комнате, хотя проснулся, судя по всему, уже давно.

– Сегодня будешь учиться пользоваться своими внутренними силами не только на инстинктах, – обрадовала его я. – Пойдем. – И, развернувшись, отправилась к выходу из замка.

Внутренне я была адски напряжена, но внешне вела себя так, словно у меня не было ни грамма сомнений в послушании. Как будто я убеждена, что мой первенец не колеблясь пойдет следом, без скандалов, истерик и просто дурацких вопросов. Постоянно, делая очередной якобы уверенный шаг вперед, я подавляла соблазн обернуться и убедиться, что Дориш идет за мной. Как ни странно, так и произошло…

Мы вышли во двор, и я прямо у двери вытянула вперед руку и жахнула пламенем по вороху листьев и еще каких-то ошметков, собранных волками в одну кучку. За секунду от мусора остался лишь пепел.

– Я тоже так могу?! – с восторгом в голосе уточнил парень. И тут же, судя по напрягшимся мышцам и вытянутой вперед руке, попытался пропустить через себя магию огня.

– Сможешь, если будешь тренироваться, – пообещала я. – Но возможно, у тебя первой проснется другая стихия. Та, которая тебе ближе.

– Я воду люблю, – с сомнением в голосе признался Дориш.

– Значит, полетели к воде. – Во мне сейчас решительности и настойчивости было за двоих. Я готовилась по новой насладиться эйфорией открытия внутри себя чудесных необъяснимых возможностей, доступных лишь избранным. Конечно, в этот раз магические силы должны были проснуться в другом, чужом теле, но я надеялась разделить радость от их обладания. Это потрясающее чувство!

Вот только у реки, до которой мы долетели буквально за минуту, нас ожидал неприятный сюрприз. Инстинктивная вампирская магия у Дориша проявилась в полной мере, а вот стихийная никак не хотела просыпаться. Вода категорически отказывалась слушаться моего птенца. Причем выброс силы был достаточно ощутимый. Стоя рядом, я чувствовала его, это было как дуновение ветра, мощное и резкое. Но при соприкосновении с водой вся магия поглощалась или просто испарялась в никуда.

Минут двадцать-тридцать я стояла рядом с птенцом, подбадривая его изредка, а потом, когда он очередной раз шарахнул силой и тут же расплескал ее по речной глади, даже не подняв ряби, решила действовать привычным для меня способом. Взяла и хлестанула огнем по ногам Дориша. Вернее, попыталась хлестануть… Но ровная водяная поверхность вдруг вспучилась, выдавливая из себя огромную, чуть загнутую волну, буквально за мгновение накрывшую меня с головой…

Я с трудом удержалась на берегу, временно соединившись с землей, вцепившись в нее своей магической силой, как дерево – корнями. Но, само собой, внезапное цунами уничтожило мой огненный хлыст. Только это все были мелочи!..

– Можешь! Ведь можешь, когда хочешь! – похлопала я по плечу Дориша, заметно ошарашенного случившимся. Еще бы… Меньше чем за минуту бедолага успел испытать сразу столько эмоций! Страх при виде огня, злость, гнев, вину… О да, даже борясь с водной стихией, я успела заметить, как на лице моего птенца промелькнуло виновато-растерянное выражение. Благодаря ему я оказалась мокрой с ног до головы. С моих волос стекали ручьи, одежда прилипла к телу и противно холодила кожу, в туфлях мерзко хлюпало…

Но потом Дориш сообразил, кто именно оказался виновником этого водоизвержения, и в его глазах засветилась гордость. Так что моя похвала лишь усилила это сияние.

– Молодец! – Я потрепала мальчишку по волосам, почти так же, как щенка. Вот только ощущения при этом были совсем другие.

В волчонке я видела мужчину, пока еще очень молодого, но аппетитного и привлекательного. А Дориша воспринимала как… как птенца. То есть что-то среднее между младшим братом и воспитанником. На взрослого и

ответственного он не тянул абсолютно.

Именно поэтому, оставив Дориша тренироваться в одиночестве, я, едва прилетела в замок, тут же нашла своего аппетитного оборотня. Проигнорировав его злющий взгляд, приказала ему отправить к реке пару-тройку оборотней – присмотреть за начинающим стихийным магом.

– Боишься, что утонет? – ехидно поинтересовался волчонок, с недовольной миной разглядывая мое мокрое платье. После двойного оборота, в летучую мышь и обратно, суше оно не стало. Влажная липкая тряпка.

И волосы тоже оставались мокрыми, до отвращения. Распустив их, я потрясла головой, обрызгав при этом мальчишку, наморщившегося так, словно был котом, а не волком. Он демонстративно провел локтем по губам, стирая капли воды.

– Или, наоборот, ты его утопила, а теперь хочешь все свалить на моих волков? – теперь к ехидству добавилось раздражение и легкий налет презрения. Прямо жизненная необходимость задеть меня побольнее, как будто это залечит его собственную рану. Вернее, синяк от моего утреннего удара по его самолюбию.

– Если я захочу, то просто прикажу тебе его утопить, а не буду придумывать хитрые способы подставить тебя и твою стаю, – усмехнувшись, я погладила мальчишку по щеке. – Так что просто выполни мой приказ, Руби.

И, не оглядываясь, пошла дальше, в свою комнату, переодеваться. Вернее, не оглядывалась я по мнению щенка, так-то я успела вдоволь налюбоваться его растерянным выражением лица. Зато он так и не увидел довольной улыбки на моем.

Когда следишь за кем-то почти четыре года, естественно, знаешь, как его зовут. Кстати, очень красивое имя. Рубен… Красный или ослепительный. И так и так красиво. Красный, как кровь, и ослепительный, как его голубые глаза. Аппетитный и привлекательный.

Жаль, что я не могу питаться только им. Действительно, очень жаль. Хотя ему я об этом, конечно же, никогда не скажу. Как и о том, что убью любую самку, которую он попытается сделать своей…

***

Странное беспокойство я ощутила где-то часа через три. Все это время я продолжала приводить в порядок замок, уже не глобально, а так, по мелочи. Заодно составляя список, что надо сделать в первую очередь и во сколько примерно это мне обойдется. Вот уж с чем с чем, а с деньгами у вампиров никогда проблем не было.

Просочиться в любую щель туманом я пока еще не умела, но, обернувшись летучей мышью, занавеситься туманной дымкой и проникнуть в любое денежное хранилище вместе с кем-то из людей – запросто. Создатель тоже не бедствовал, но любил прятать все по тайникам, прямо как дракон. Я довольно часто находила клады, просто прогуливаясь по замку и внимательно изучая стены, пол и потолок. Например, за старинной картиной мог скрываться спрятанный в стене небольшой сундучок с золотом. А на пыльном чердаке, среди вороха тряпья, под половицами я нашла сумку с монетами позапрошлого века.

Так что денежные запасы у меня имелись, и немалые. Просто надо было показать мой замок кому-то, кто во всем этом разбирается. Мне нужен был специалист… эм… реставратор, вроде так их называют.

И вот, когда я увлеченно бродила по коридорам своего огромного дома, обдумывая, с чего лучше начать и как правильнее действовать, внутри меня затрепетало какое-то смутное беспокойство. Не мое, точно! Я не сразу сообразила, что ощущаю эмоции птенца. К тому времени беспокойство усилилось и превратилось в паническую злость. Когда тебе до чертиков страшно, но при этом ты так же до чертиков злишься на тех, кто заставляет тебя бояться.

Мышью я обернулась, уже выпрыгнув из окна замка. Даже успела полюбоваться на нахмурившегося щенка, задравшего вверх голову и уставившегося именно туда, где долю секунды назад мог заметить меня. Только я уже мчалась на всех вампирских скоростях к озеру!

А навстречу мне, тоже на всех скоростях, бежал волк… Плохо, очень плохо! Потому что выглядел он как побитая псина, которая торопится за подмогой.

Надеюсь, вся эта паника не из-за драки моего птенца с присматривающими за ним оборотнями. Или… Нет! Пусть лучше будет очередная драка. У вампиров очень сложные отношения с богами, но создатель часто мысленно общался с Каином, называя его всеобщим нашим прародителем. Так что я, на всякий случай, мысленно тоже попыталась перекинуться с этим первовампиром парой фраз, пока мчалась к озеру. Но меня не услышали…

Это была не очередная обычная драка. Нет! Мой птенец в одиночку сражался против двоих вампиров. Против вампиров, которые могут находиться на солнце!

Один из парочки был мой ровесник, едва ли старше двух сотен, но уже с гонором. Второй… второй постарше. Да, постарше и поопытнее.

Спикировав на землю, я обернулась и вмазала огнем в обоих. Ровесник сразу вспыхнул как факел, а вот старший – увернулся и тут же исчез, растворился, тварь! Но Дориш, который, похоже, не в первый раз за время боя видел подобное чудо, окатил нас всех водой, и в сгущающемся вокруг меня тумане отчетливо проступили контуры тела.

Вытянув руку, я потянула расплывающийся живой сгусток к себе, точно так же, как раньше действовала со щенком. Ощутив отчаянное сопротивление, я сначала сделала вид, что поддалась, склонившись в сторону сгустка, а потом дернула на себя, вырывая вампира из тумана резко, как траву из земли.

Мою концентрацию не сбила даже покатившаяся под ноги обгорелая голова второго из нападавших. Я просто отметила, что Дориш – молодец. Сообразил, что надо добить младшего гада.

Я бы с радостью убила и старшего, но, к сожалению, не все вампиры – некроманты. А мне очень надо выяснить, что эти двое делали на моей территории и почему напали на моего птенца. Просто пролетали мимо и увидели незнакомого собрата или кто-то прислал проверить, убедиться, что в замке никого нет? Если случайность, тогда очень странно, почему они напали, а не попытались просто познакомиться.

И еще меня очень волновало, сколько вампиров вскоре придут мстить нам за смерть птенца. Судя по тому, что эти двое разного возраста, в их гнезде живет несколько выводков. Возможно, и высших там тоже несколько.

Как же глупо! Я так долго готовилась к войне в мыслях, но оказалась совсем не готова на практике. Замок разрушен, волки не обучены, птенец – тоже… Сбежать? Увести с собой оборотней и затаиться?

Размышляя, я продолжала ментально сжимать сгусток тумана за шею, вытянув вперед руку и не отводя взгляда от соперника. Нас плавно окружала моя стая. Судя по тихому злому рычанию, они были готовы напасть в любой миг. Наивные щенки… Это Дориша еще можно застать врасплох, а меня или парня, с которым я сейчас сражалась, – не удастся.

Мой противник был очень силен, магия бурлила в нем, обжигая меня через расстояние, по нашей ментальной связи. Просто вампир совершил ошибку, сменив облик. Сейчас он – бесплотный сгусток, потенциально опасный, но полностью контролируемый. Ведь, в отличие от него, у меня имелось физическое тело. А магичить исключительно мысленно могут лишь высшие. Жаль, но для допроса мне необходимо вернуть твари человеческий вид. И я не уверена, что справлюсь с ним, когда он обернется…

В мою вторую, свободную руку кто-то, судя по запаху – рыжая самка, пропихнул бутылку. Маленькую склянку, типа тех, что валялись в комнатах девочек. Под духи, настойки, отвары… Естественно, не все они разбились, часть уцелела и, надо же, пригодилась!..

Еще сильнее сжав сгусток, отчаянно забившийся в моих ментальных путах, я принялась запихивать его в склянку. Конечно, он сопротивлялся, а один раз чуть не вырвался… Еще немного, и ради магии, необходимой для борьбы, мне придется начать пожирать саму себя. Силы заканчивались – и магические, и физические. Я сразу выложилась в этот захват процентов на сорок, чтобы у соперника не было ни единой возможности выбраться. А потом постоянно усиливала нашу сцепку, не давая ему обернуться. И, естественно, постепенно растрачивая свои запасы.

Если верить записям создателя, бестелесность не только лишает тебя возможности магичить, но и постепенно выкачивает магию. Вот только я истощалась гораздо быстрее.

Да, мне повезло. Я воспользовалась неожиданностью, помощью Дориша, всегда придающей мне силы злостью, но увы… Это истинные маги могут питаться от

разных внешних источников. Вампирам для усиления мощи нужна кровь. Много крови.

Мысленно пообещав себе выпить хоть целую деревню, если понадобится, я напряглась, выкладываясь полностью и, по-моему, уже зацепив часть физической силы, преобразуя ее в магическую. Даже зубами заскрежетала от напряжения, чувствуя, как подкашиваются ноги, трясутся руки, дрожат губы и внутри кружит всепожирающий вихрь, связанный с льющимися из моей ладони ментальными путами. Я дернула сгусток, последним осознанным усилием запихивая его в склянку, и…

Глава 10

В себя я пришла довольно быстро, а вот встать с земли пока не получалось. Я решила начать с компромисса и села. По поляне мельтешили волки в человеческих и звериных ипостасях. Похоже, вся стая.

Заткнутая пробкой склянка красовалась в руках Дориша, крутящегося неподалеку с подозрительно цветущим видом. Правда, я почти сразу унюхала, а потом и разглядела причину: у одного из оборотней на запястье виднелись следы вампирских клыков. Странно, что парень не удосужился всего пару раз сменить облик, чтобы они исчезли. Это у Руби мои укусы затягиваются очень медленно, из-за нашей связи.

Волки вообще вели себя странно, напоминая грустных побитых собак. Несколько псин яростно копали яму под деревом, а Рыжая устроилась рядом с моим щенком и зачем-то уткнулась носом ему в плечо. Сначала мне даже показалось, что она плачет. Но глаза у нее были сухие, дыхание ровное, а голос – спокойный. Возможно, слишком спокойный.

И этим слишком спокойным голосом она произнесла, глядя на меня в упор:

– Если тебе надо помочь выбить из него правду, обращайся!

Еще раз оглядев поляну, я наконец-то заметила лежащее в траве тело. Подлетая к озеру, я была слишком сосредоточена на Дорише. Во время боя мне тем более не было дела ни до кого, кроме врагов. Зато теперь, когда я все-таки умудрилась встать и подойти поближе, даже смогла узнать убитого волка. Это был тот самый растяпа, который упустил Дориша в первый его побег к озеру. Поэтому в этот раз он остался с ним до конца.

Что ж, спи спокойно, волчонок, ты выполнил свой долг и оправдался в глазах вожака. Уверена, твоя стая отомстит за тебя. Потом.

А пока оборотни были заняты похоронами. Они опустили так и не сменившего ипостась собрата в глубокую яму, засыпали его землей и уселись вокруг могилы. Я знала, что за этим последует, но все равно тоскливый волчий вой, как обычно, пробрал до мурашек. Это был не просто плач по погибшему другу. Это была прощальная песня, красивая и грустная. И каждый волк вкладывал в нее всю свою душу, делился с другими своей скорбью по ушедшему за грань.

Песнь начиналась тихо, потом плавно усиливалась, в нее вливались новые и новые голоса… Схватив Дориша за руку, я оттащила его подальше, уселась на поваленное ветром дерево и заткнула уши. Птенец, последовав моему примеру, сделал то же самое.

В волчьем вое есть какая-то непонятная магия. Он заставляет тебя вспомнить все самое грустное и печальное, случившееся в твоей жизни. Мир становится серым, тоска сдавливает сердце, и ты даже не замечаешь, как сама начинаешь подвывать, раскачиваясь и закрыв глаза. Очарованная, загипнотизированная, позабывшая обо всем, ты вся погружаешься в этот вой, растворяешься в нем, очищая душу от грусти…

И самое страшное, что от него не спрятаться, пока не убежишь достаточно далеко, чтобы не слышать. Заткнуть уши – не панацея. В воздухе шелестят вибрации, твое тело ощущает, как вокруг витает тоска, ты видишь стаю волков с задранными вверх мордами…

Я была слишком слаба, чтобы противостоять этому безумию, а Дориш вообще еще недавно был человеком, и к тому же этот оборотень погиб, сражаясь с ним рядом, вместе, против общих врагов. Так что не прошло и минуты, как мы оба тоже выли, вместе со стаей, каким-то чудом чувствуя, когда надо замолчать,

когда – завыть погромче.

Минут через пять-шесть я смогла сбросить с себя наваждение, растрясти своего птенца и, опираясь на него, медленно – для вампира, естественно! – доковылять до замка.

Давно я так не выкладывалась. Даже ноги переставлять сил не осталось, и магию истратила полностью. Летучей мышью я бы за секунды долетела до замка, но и на оборот я сейчас не способна. Зато у меня есть пленник!..

Надо потом не забыть выяснить, откуда Рыжая знает, как ловят вампиров, обернувшихся туманной дымкой. Хотя, сдается мне, примерно оттуда же, откуда щенок знает про сеть, – из жизненного опыта. И наверное, мне стоит позаботиться и создать себе такую же сеточку, а лучше несколько.

– У меня для твоих хозяев есть сюрприз, – прошептала я, глядя в склянку, которую взяла у Дориша.

Как же хорошо, что мой создатель был таким предусмотрительным. Это я оказалась непутевой дурочкой, чуть не растерявшей оружие, которое могло мне неоднократно пригодиться.

Большинство баночек, хранящихся в замке, среди девичьих украшений, были сделаны из особого стекла: в кварцевый песок, используемый для его создания, добавляли чесночный порошок. А пробки вымачивались в чесночном масле, поэтому долго держать их в руках было небезопасно.

И я совсем забыла о ценности этих склянок и о том, что они в любой момент могут понадобиться, причем не только под духи и настойки, но еще и для того, чтобы затянуть в них врага. Хорошо, одна такая оказалась у запасливой Рыжей, которой я сама позволила бродить по замку и брать все, что может пригодиться стае. И просто прекрасно, что она знала, как ею можно пользоваться. Осталось только выяснить, какого именно вампира планировалось загнать в эту банку!..

А еще, научившись обращаться туманом, никогда не стану делать это во время сражения, потому что устроить ловушку для не имеющего возможности защищаться магией сгустка оказалось слишком легко.

Покачнувшись, я с силой вцепилась в плечо Дориша. И хотя мы уже почти подошли к воротам замка, мне пришлось постоять несколько секунд.

Ладно, допустим, не так уж легко у меня все получилось… Теперь еще надо придумать, как без особого ущерба вытряхнуть этого джинна и выпытать из него как можно больше.

Да, вдвойне глупо было забыть о свойствах банок, потому что создатель часто рассказывал нам истории о вампирах, веками заточенных в таких сосудах. Когда их наконец-то освобождал кто-то из смертных, обычно они просто выпивали освободителя досуха. Наивные люди постоянно путали их с настоящими джиннами, которые вроде как существовали когда-то, много тысяч лет назад, а освободившись, исполняли три желания того, кто их спас. Только, вероятнее всего, никаких настоящих джиннов и в помине не было. Лишь вампиры, голодные и злые.

И вот сейчас мне надо было придумать, как бы обезопасить себя и свою стаю от злого, сильного и очень голодного вампира. А еще вытрясти из него сведения. И подготовиться к появлению тех, кто придет мстить за него и его друга.

Последнее звучит как насмешка. Ясно, что я не успею придумать ничего серьезного за столь короткий срок. Но и трусливо сбегать тоже не хочу. Это мой дом!

Почему все так сложно?! У меня был прекрасный план, который я даже начала осуществлять!.. Зачем эти два гада прилетели и испортили его мне?!

***

Дойдя до своей комнаты, я уселась прямо на ступеньках огромного крыльца, поставила рядом с собой склянку в качестве взбадривающей мотивации и отправила Дориша добывать мне пищу. Естественно, не в деревню, за людьми, а в лес. Были бы силы, я бы с удовольствием посмеялась над тем, что при наличии уже вполне полноценного птенца и привязанного оборотня мне некого отправить за нормальной едой.

Но начать придется с животных, немного восстановиться и потом самой полететь на охоту. Вот только и улетать страшно, и отпускать птенца одного в

лес – опасно, и…

Как же мне хотелось разбить банку и спалить находящийся там сгусток! Или… предложить Доришу поглотить его. Интересно, кстати, так можно? Это больше стихийная, чем вампирская магия, но, в принципе, если колдуны могли поглощать дождь, осушать озера, то почему бы не поглотить туман?! Эта мысль захватила меня и крутилась в голове все то время, пока мой птенец носился по лесу. Я не успела ни позлиться на его медлительность, ни понервничать, переживая, что с ним что-то опять случилось.

– Вот! – Гордый Дориш бросил рядом со мной целый мешок, в котором двигались, лягались, пытались вырваться на свободу, разорвав ткань, с десяток зайцев.

Сморщившись от отвращения, я все же заставила себя впиться зубами в дрыгающий лапками шерстяной источник нескольких глотков крови. Отвратительно, как молочный порошок вместо молока!.. Но, допивая последнего из зверьков, я поняла, что могу спокойно шевелить руками и ногами. Они перестали весить как чугунные гири. И в голове немного прояснилось.

– А теперь время нормального обеда, – удовлетворенно протянула я, вытирая рукой рот. – Ты со мной?

Доришу обязательно нужно было поесть нормально, но сначала я дала ему право выбора. Просто убедиться, что принципы пока еще побеждают здравый смысл.

– Нет, я лучше оборотней подожду. – И после этого вполне ожидаемого более-менее разумного заявления он покосился на пристройки, в которых жила стая. И только тогда я вспомнила, что во время великой скорби нигде не видела чертову девчонку. Эль.

– То есть ты полетишь потом охотиться в одиночку? Похвально, – одобрительно кивнула я. Мне хотелось одновременно залепить Доришу подзатыльник и рассмеяться при виде его озадаченного лица. – Раз нас вычислили одни, значит, в любой миг могут объявиться и другие вампиры. А защита замка держится лишь на нас с тобой. Волки – это крайний случай, они погибнут почти сразу.

– А люди… Люди тем более? – занервничал наивный дурачок, взволнованно глядя на меня.

– Люди? – Я сделала вид, что не совсем поняла, о ком он, но ответила: – Конечно, люди погибнут сразу. Но ты предложил хорошую идею, надо насытиться как следует и наловить побольше людей, про запас. Ведь нас могут окружить, не давая возможности вылететь на охоту. Звериная кровь не обладает такой живительно-заряжающей силой, как человеческая. А нам постоянно будет нужна магия, чтобы сопротивляться и оберегать замок и всех, кто в нем живет.

Мне с трудом удавалось сохранить серьезность. Но хорошо, что желание улыбнуться победило раздражение. Потому что на самом деле я говорила правду. Нет человеческой крови – нет магии, нет магии – нет сил противостоять врагам. Оборотни, если полезут в бой, погибнут. Защита замка – это мы.

– То есть зайцами отделаться не получится? – Дориш горестно вздохнул и по-детски обиженно надул губы. Мне даже стало немного совестно, что я не дала этому ребенку спокойно умереть, сделав его своим птенцом в такое смутное время.

– Если на разведку прилетят два-три вампира, то вдвоем мы с ними справимся. Но решать только тебе…

Снова посмотрев на пристройки, Дориш тяжко так эхнул, на выдохе. А потом первым обернулся летучей мышью и навис надо мной в ожидании. Я же сначала сбегала в подземелье и спрятала там склянку с заточенным в ней вампиром. Ну как сбегала… Любой оборотень заметил бы мое перемещение, настолько медленно я все делала. Но на крови зайцев даже самые элементарные способности едва восстановились. Хорошо хоть, на смену облика сил уже хватило, и мы спокойно долетели до довольно крупного города, где я уже давно не резвилась.

Это была приграничная зона между охотничьими угодьями. Мы залетели уже очень далеко от замка, но пока еще оставались на моей территории.

Вампиры стараются селиться подальше друг от друга именно для того, чтобы не охотиться в одном месте несколько раз подряд и не подставлять, а точнее, не подставляться себе подобными. Ведь одно гнездо – это десять, а то и двадцать птенцов, которых надо ежедневно кормить, соблюдая правила безопасности. В селах охотиться опасно, в городах тоже надо быть аккуратными. И естественно, будет очень обидно, если ты старался, давая жителям города пару-тройку лет,

чтобы выдохнуть и забыть о предыдущей вампирской охоте, и тут появляется какой-то залетный гастролер и устраивает ужин на твоей территории. Ясно, что никто не станет испытывать восторг по этому поводу.

Но в прошлый раз я спокойно прогулялась по ничейной зоне, так что и сейчас рассчитывала на более-менее удачную охоту.

– Сегодня доедаем все до конца, нет ни сил, ни времени на зачистку памяти! – предупредила я птенца, едва обернулась в человека. Мы притаились между домов, и я про себя вспоминала все известные мне ругательства, злясь на неудачное время. Полдень! Людей на улицах пока еще мало, так как большинство работает, но если вдруг кто-то закричит – сразу сбежится толпа. Только ждать ночи я не могла. Враги могли появиться в любой момент.

Странно, что ни одного из напавших на Дориша я не узнала. А ведь они спокойно находились на солнце. То есть теоретически входили в один из тех кланов, которым я собиралась отомстить. Их было не так уж и много, и я следила за всеми, зная в лицо каждого.

Иногда мне даже удавалось подслушать обрывки их разговоров, но, естественно, я опасалась слишком сильно приближаться, чтобы не попасться. Глупее смерть, чем потеря осторожности от любопытства, еще поискать надо!

И вот теперь выясняется, что, возможно, все это время кто-то из этих кланов шпионил за мной! Отвратительно… Кто-то подглядывал за мной, пока я была уверена, что обо мне все забыли. Таился где-то поблизости, пока я верила, что всех обхитрила. Подсматривал, пока я, как паук, плела свой план мести, мечтая потом возникнуть из ниоткуда и всем отомстить!..

– У меня есть силы, – уверенно заявил Дориш. – Я позабочусь…

– Ты представляешь, сколько мне сейчас потребуется крови?! И если я буду смаковать и отпускать, то спустя пару десятков ты станешь как выжатый лимон!.. А еще, пока мы тут занимаемся пищевыми извращениями, на мой замок и на всех, кто там остался, – я с нажимом выделила последние слова, заостряя внимание упертого человеколюбца, – могут напасть дружки той твари, что сидит в склянке. Пойми! – мне пришлось очень постараться, чтобы удержаться от приказного тона и попытаться говорить с убеждающими интонациями. – Все

зависит от нас! От того, насколько быстро и насколько сильными мы вернемся.

Дориш нахмурился. Я решила поступить как умная и выждать, потеряв пару минут, пока он смиряется с неизбежным, а не пытаться прессануть его магией. К тому же конкретно сейчас ее у меня все равно почти не было.

Судя по тому, как быстро двигался кадык у моего птенца, пальцы сжались в кулаки и выступили желваки на скулах, борьба между желанием защитить Эль и принципами шла очень суровая.

– Это же большой город? – выдавил он наконец. – Мы можем ограбить местный банк, если он тут есть.

– Зачем? – Я в недоумении уставилась на птенца. – Чем нам помогут деньги?!

– Я про другой банк! – Дориш посмотрел на меня с подозрением. – Ты не слышала про новое изобретение? Переливание крови раньше делалось только от человека к человеку, но недавно открыли способ сохранять донорскую кровь отдельно, добавляя туда специальный состав. А еще… – В глазах птенца заблестел огонь увлеченного фанатика. Помоги мне, создатель! Похоже, я обратила будущего лекаря! Или, того хуже, любителя смешивать разные вещества между собой, алхимика… – Еще кровь у всех отличается! Только я так и не узнаю уже, чем именно, потому что меня выгнали, – со вздохом негромко закончил Дориш, буквально погаснув на последней фразе.

Из всего им сказанного самой ценной была информация о появившихся у людей хранилищах с едой, которую я действительно пропустила. Зато мне было известно про группы крови.

– Как он выглядит и где находится? – Я едва сдержалась, чтобы как следует не встряхнуть так не вовремя загрустившего птенца.

– При лечебнице, естественно. – Парень посмотрел на меня с подозрительным недоумением, словно я спросила какую-то глупость, которую он от меня никак не ожидал услышать.

– Не имею привычки следить за жизнью своей пищи, – огрызнувшись, я со злостью пнула подвернувшийся под ноги камень. Хотя сердиться в первую очередь надо было на себя. Люди изобрели способ хранить кровь, а я упустила это открытие, интересуясь ими лишь с пищевой целью. – Полетели, посмотрим, насколько отвратительна на вкус кровь вне человеческого тела.

Пробраться в холодный подвал лечебницы, в одной половине которого лежали трупы, а в другой прозрачные мешочки с кровью, двум маленьким летучим мышкам оказалось несложно. Труднее было заставить себя сделать первый глоток, когда перед глазами не маняще-пульсирующая вена с теплой едой, а пакет, внутри которого находилась холодная красная жидкость, пахнущая чем-то знакомым. Вкус у этой дряни тоже был очень условно похож на привычный. В нем отчетливо ощущался странный кисло-сладкий привкус чего-то неестественного, алхимического. Но, в отличие от крови животного, эта гадость довольно быстро наполняла меня силой, магической и физической. Я влила в себя с десяток пакетов, но, к сожалению, больше в меня не влезло. Дориш тоже подзарядился. А потом мы, переглянувшись, быстро начали рыскать по подвалу в поисках какой-либо тары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/smirnova_irina/vozlyubi-vampira-svoego

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить